

И. И. ДМИТРИЕВ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЛЕМИКАХ
НАЧАЛА XIX ВЕКА

1

Полемика, начавшаяся с выходом в свет «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова (1803), была в русской литературе событием первостепенной важности, но даже самый ход ее, не говоря уже о ее отдаленных результатах, изучен лишь в общих чертах. Всестороннее ее исследование было бы по существу исследованием всего русского литературного движения начала века, ибо сама она была не причиной, а следствием тех процессов, которые уже наметились в литературе предшествующего десятилетия. Настоящая работа, конечно, не может ставить себе таких задач; она коснется лишь некоторых эпизодов этой полемики, отразившихся и в последующих литературных баталиях. И здесь наше внимание почти неизбежно привлечет фигура одного из виднейших ее негласных участников, словно намеренно скрывшаяся в тени и из своего убежища управлявшая тайными ее пружинами. Речь идет об Иване Ивановиче Дмитриеве, в то время уже известном поэте, обер-прокуроре и товарище министра, в 1801 г. вышедшем в отставку и переехавшем в Москву, в небольшой дом у Красных ворот, куда он перевез прекрасную библиотеку и коллекции. Это удаление «парнасского инвалида» в частную жизнь было во многом жестом социального поведения и выражением некоей жизненной философии, затем стилизованной в многочисленных воспоминаниях о Дмитриеве в стихах и прозе.

Дмитриев завершал свою литературную деятельность; он готовил к изданию итоговое собрание своих сочинений (1803—1805) и демонстративно уступал литературную арену новым поколениям.

Дмитриев, конечно, не мог не знать, что литературный фронт противников Карамзина, определившийся еще в 1790-е гг. и включавший П. И. Голенищева-Кутузова, Николева, Шатрова, Горчакова и некоторых других, продолжает существовать. Однако в начале века он вряд ли ожидал прямой агрессии. Тем временем в Петербурге выходит книга Шишкова и в декабре 1803 г. попадает в руки Дмитриева.

Мы ничего не знаем о том, какова была его первая реакция. Хотя Шишков и полемизировал прямо со статьей Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов» и даже приводил в пример «порчи слога» его отдельные фразы, — все же он склонен был отделять самого Карамзина от его последователей, и это сказывалось в самом тоне его трактата. Шишков упоминал и о Дмитриеве — как об одном из «стихотворцев», которые, подобно Петрову, Майкову, Нелединскому, Капнисту, «нигде не потчевали» его «русскими щами, по-французски приготовленными». По этим причинам у Дмитриева не было формальных оснований отнести к себе и приложенную к книге ядовитую пародийную «Элегию», где современный «петиметр» изъясняется в любви «нынешним просвещенным слогом, в котором сохранен весь французский элеганс»:

Холодный человек тебе даст тотчас цену,
Деятельность его получит перемену;
Он меланхолией своей явит пример,
Какой ему дала ты нежный характер < . . . >
Усовершенствовав своих всех мыслей строй,
Со вкусом, с тонкою хороших слов игрой,
Любовные тебе начнет он строить куры;
Чего не мог над ним *эфор* самой природы,
Чтоб посмотрелся он когда-нибудь в трюмо,
Чтоб вырвалось когда из уст его бонмо,
Чтоб у него когда идеи были гибки,
То сделаешь ты все à force своей улыбки.¹

По-видимому, Дмитриев не без основания счел эти стихи пародией на эпигонов, с которыми он сам начинал борьбу еще в середине 1790-х гг., и этим объясняется его примирительно-сдержанный отклик на книгу в письме к Д. И. Языкову, археографу и переводчику, члену петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств: «Не грех ли вам петербургским нападать на наших московских? Право, нам еще рано браниться».²

Трудно сказать, в какой мере было искренним это миролюбие: Дмитриев знал, что критика исходит из враждебного лагеря. Ему известно было, что Языков не склонен разделять мнения Шишкова; таким образом, он обращался к союзнику.

В следующем же месяце в новом журнале, с которым был непосредственно связан Языков, — «Северном вестнике» И. И. Магтынова — открывается «брань». В «Письме от неизвестного» (в котором иногда подозревают самого Д. И. Языкова) подвергались

¹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 390, 450—453.

² Дмитриев И. И. Сочинения / Ред. и прим. А. А. Флоридова. СПб., 1895. Т. 2. С. 186. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

отрицанию если не исходные посылки Шишкова, то предлагаемые им меры для «очищения» языка.³

«Северный вестник» в начале своего существования заявил себя не только противником Шишкова, но и адептом Дмитриева. В той же первой книжке, где выступил «А.:—З.:

, поместилось и апологетическое объявление о только что вышедшей первой части Дмитриевских «Сочинений и переводов». Издатели обращали внимание на новую басню — «Мышь, удалившаяся от света» — и, воспользовавшись случаем, перепечатали ее целиком.⁴

Дмитриев спешит закрепить отношения. Он отправляет Языкову новую басню — «Ружье и Заяц»; в мартовском номере она была напечатана — под криптограммой, но с прозрачным примечанием издателей: «Хотя сочинитель сей басни и желает остаться неизвестным, но несмотря на то читатели узнают его. Издателям остается только благодарить его за присылку сего нового произведения и просить о продолжении украшать журнал их своими сочинениями».⁵

Тем временем в московской журналистике происходили свои изменения. Граф Д. И. Хвостов, переехавший в Москву и в 1803 г. направивший по этому случаю Дмитриеву приветственное послание,⁶ с 1804 г. затеял вместе с П. И. Голенищевым-Кутузовым и Г. С. Салтыковым собственный журнал — «Друг просвещения». И. И. Дмитриев рассказывал племяннику, что все три поэта «не имели счастья» у журналистов и изыскивали способ предавать печати свои заведомо бездарные сочинения; обсуждая предварительно «пиэсы» друг друга, они нарочно хвалили как раз самые плохие, чтобы выделяться самим на их фоне.⁷

Из всех издателей «Друга просвещения» фигура Павла Ивановича Голенищева-Кутузова должна была вызывать у Дмитриева наибольшую враждебность. Еще в 1790-е гг. он заявил себя непримиримым противником карамзинской литературной реформы, и уже тогда в напечатанном им памфлете на Карамзина обрисовались общие контуры идеологических обвинений, которые впоследствии составят содержание его доносов графу Разумовскому, — обвинений в «якобинстве» и развращении нравов. Кутузов пользовался влиянием в Министерстве народного просвещения; в начале 1803 г. ожидали, что он будет куратором Московского университета после М. М. Хераскова; в кругу И. П. Тургенева, давнего его неприятеля, эта перспектива была постоянным предметом обсуждения. В совместном письме Ал. И. Тургенева и А. С. Кайсарова из Геттингена от 26 января

³ Северный вестник. 1804. № 1. С. 17 (подп.: А.:—З.:). Об авторстве см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 80.

⁴ Северный вестник. 1804. № 1. С. 29.

⁵ Там же. № 3. С. 347; ср.: Дмитриев И. И. Сочинения. Т. 2. С. 187.

⁶ Чулицкий В. И. И. Дмитриев // ЖМНП. 1902. № 4. С. 363.

⁷ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. СПб., 1869. С. 83.

(7 февраля) мы находим одну из ранних эпиграмм на Кутузова — куратора и поэта:

Подсотни эпиграмм, полдюжины сатир,
Пятнадцать мерзлых од, да наизусть псалтирь,
К<кутузо>в! вот и все, чтоб быть в Руси актером,
Чтоб быть хоть чем-нибудь, хоть только куратором.⁸

Это, конечно, точка зрения всего карамзинского круга — и не в последнюю очередь Дмитриева. В 1812 г. она отразится в эпиграмме Вяземского: «Картузов куратор, Картузов сенатор, Картузов поэт. . .» Однако в 1803 г. куратором назначили М. Н. Муравьева — и положение стабилизировалось. Тем не менее имя Кутузова как члена университета время от времени появляется в переписке Ал. Тургенева за эти годы — нередко в противопоставлении Карамзину; 9 (21) августа 1803 г. он выражает надежды, что новое царствование будет воздавать почести достоинствам, а не чинам, и что «Карамзин-поручик, верно, будет предпочтен Кутузову — тайному советнику».⁹ В январе 1804 г. до геттингенских студентов доходит известие о начале «Друга просвещения», и А. С. Кайсаров, к этому времени уже сильно охладевший к Карамзину, тем не менее раздражается презрительной тирадой: журнал Кутузова издается для изгнания желчи.¹⁰ Ему известно, стало быть, что Кутузов задает тон всему предприятию и что журнал должен носить полемический характер. В этой связи стоит обратить внимание на упоминание в эпиграмме о «полусотне эпиграмм» и «полдюжине сатир» Кутузова, которого в кругу Тургеневых считают записным сатириком. Несомненно, что современникам были известны какие-то полемические сочинения Кутузова, до нас не дошедшие.

Таким образом, у Дмитриева, казалось бы, были все основания ожидать признаков враждебности со стороны нового издания. Однако он был лучше Кайсарова осведомлен о закулисной стороне дела, и, может быть, анекдот, переданный им М. А. Дмитриеву, был придуман задним числом. Во всяком случае в начале 1804 г. он относился к журналу более лояльно. Обращает на себя внимание, что издателем журнала был П. П. Бекетов, двоюродный брат Дмитриева. Более того, Дмитриев и сам принял участие в «Друге просвещения», передав сюда автограф Ломоносова,¹¹ а в февральском номере поместив свою басню «Амур, Гимен и Смерть»; нет сомнения, что через него издатели получили и стихи В. Л. Пушкина, в это время путешествовавшего за границей.¹² Еще весной 1804 г. его отношения с петербург-

⁸ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 54.

⁹ Там же. С. 101, 102.

¹⁰ Там же. С. 145—146.

¹¹ Друг просвещения. 1804. № 1. С. 42; ср.: Дмитриев И. И. Сочинения. Т. 2. С. 161; Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. С. 120.

¹² Дмитриев. Амур, Гимен и Смерть: Баснь // Друг просвещения. 1804. № 2. С. 108—109 (эта публикация не была учтена в последующих изда-

скими и московскими журналами благополучны; он занимает выжидательную позицию и не вступает в полемики. Он не делает никаких попыток защитить близкого ему В. В. Измайлова, начавшего в мае 1804 г. в своем «Патриоте» полемику о «Рекрутском наборе» Н. Ильина. Когда Д. И. Языков с необычайной резкостью напал на «Журнал для милых» М. Н. Макарова,¹³ Дмитриев даже благодарил его за «обличение пачкунов» (II. 189). В мае 1804 г. граф Хвостов на страницах «Друга просвещения» печатно соглашается с основными положениями книги Шишкова, но и здесь ни Карамзин, ни Дмитриев не были прямо затронуты; Хвостов даже оговаривался, что «язык Кантемира» уже устарел для поэзии и что «сокровища из древней кладовой» требуют «нового облика и покроя».¹⁴ В своих теоретических декларациях Хвостов вообще был умерен; позднее он будет учитывать возражения карамзинистов Шишкову, ссылаясь на «вкус», «употреблень» как регулятор стиля и предупреждая против неумеренного введения в современную речь элементов языка «мертвого», т. е. церковнославянского.¹⁵ Однако в развернувшейся журнальной полемике имели значение не столько декларации, сколько творческая практика и детали литературных и внелитературных взаимоотношений, сейчас едва нами ощущаемые. Вряд ли случайно поэтому, что после мая 1804 г. имена Дмитриева и его сторонников исчезают со страниц «Друга просвещения», а вместо них появляются новые: прежде всего Д. П. Горчакова,¹⁶ а позднее и Н. П. Николева и самого Шишкова — писателей явно антикарамзинского лагеря.

«Друзья просвещения» искали литературной поддержки. Им нужно было имя, которое придало бы журналу безусловный авторитет, — и они обращаются к Державину. В мае 1804 г. Хвостов просит у Державина разрешения перепечатать только что вышедшие отдельно «Колесницу» и «Фонарь»; Державин дает согласие. Оба стихотворения открывают июльскую книжку (первую книжку за второе полугодие) — и издатели спешат оповестить о начавшемся сотрудничестве: в том же номере Хвостов публикует свое послание к Державину. В сентябрьской

ниях Дмитриева); *Пушкин В.* Отрывок из поэмы «Времена года», г. Томпсона // Там же. С. 120—121 (с пометой: «Париж. 8 января 1804»); <*Пушкин В. Л.*> Стихи на заданные рифмы («Чем я начну теперь? Я вижу, что каран. . .») // Там же. № 5. С. 131—132 (эта публикация также была впоследствии забыта).

¹³ Северный вестник. 1804. № 8. С. 259—261 (подп.: Я — <Д. И. Языков>).

¹⁴ *Хвостов Д. И.* Письмо о красоте российского языка // Друг просвещения. 1804. № 5. С. 100—101.

¹⁵ См., например: Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. СПб., 1829. Т. 3. С. 149—150. О позиции Хвостова см. также: *Западов А. В. Д. И. Хвостов и его «Записки»* // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 359—364.

¹⁶ *Горчаков Д. П.* 1) Письмо к Г. Д. И. Хвостову; Стансы; Письмо к Ирине Михайловне Спиридовой // Друг просвещения. 1804. № 5. С. 116, 123, 131; 2) Письмо к К. С. Н. Д<олгорукому> // Там же. № 6. С. 112; 3) Письмо к Михайле Антоновичу Шишкову // Там же. № 7. С. 91.

книжке печатаются державинская ода «На возвращение из Персии. . . графа Зубова», ранее не обнародованная и только что подвергшаяся переработке (под ней дата: «Июня 21 дня 1804 года»), и вслед за нею послание Державина Хвостову «Волхов Кубре»¹⁷ с издательским примечанием: «Хотя сия пизза сообщена нам от графа Хвостова без имени сочинителя, но всякий легко угадает, что она есть творение преславного Барда, вместе Горация и Анакреонта нашего». Создавалась иллюзия прочных двусторонних связей.

Между тем Дмитриев также поддерживает связи с Державиным и принимает свои меры. Еще в феврале Державин сообщал ему о своем разговоре с Шишковым по поводу критики Карамзина; склонившись от разбора «грамматических тонкостей», он дал понять Шишкову, что считает его рассуждения «пристрастными», и вызвал неудовольствие.¹⁸ Он, впрочем, сторонится враждебных партий и предпочитает соблюдать выжидательный нейтралитет. Дмитриев учитывает эту позицию и вместе с тем находит тему, которая на какое-то время выводит Державина из равновесия. Он пишет ему о каких-то вновь появившихся стихах, и в их числе о переводах Голенищева-Кутузова из Пиндара. Эта тема не могла быть безразличной Державину, переводившему «Пиндарову олимпийскую первую песнь». В мае Дмитриев отправляет Державину письмо с указанием на стихи Кутузова, а 6 июня Державин разражается гневной тирадой: «. . . читал я и все те стихотворения в переводе, о коих вы пишете, и, между нами сказать (что это никуды на сторону не выйдет), весьма удивляюсь, особливо Пиндаровым одам!!! соображая их только с немецким прозаическим переводом! Что же скажут знающие язык греческий? Как то и случилось, что при чтении их некто проворчал:

Пиндар бросал и молнии и громы;
Кутузов же зажег пучок соломы».¹⁹

Как мы увидим далее, этот эпизод не остался без последствий, и, по крайней мере в отношении Кутузова, Державин полностью стал на сторону Дмитриева. Это было важно: как мы уже говорили, Кутузов был наиболее влиятельным и агрессивным среди московских противников Карамзина. Не исключено, что он сам подал повод к полемике — какими-то сочинениями или разговорами, о которых у нас не сохранилось сведений.

¹⁷ *Державин Г. Р.* 1) Письмо к И. И. Дмитриеву от 5 июня // *Сочинения*. 2-е изд. СПб., 1876. Т. 6. С. 168; 2) *Фонарь*. Колесница // *Друг просвещения*. 1804. № 7. С. 1; 3) *На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В. А. Зубова*, 1797 года // Там же. № 9. С. 187; 4) *Волхов Кубре* // Там же. С. 192; *Гр. Хвостов*. К барду // Там же. № 7. С. 11.

¹⁸ *Державин Г. Р.* *Сочинения*. 2-е изд. Т. 6. С. 162—163 (письмо И. И. Дмитриеву от 28 февр.).

¹⁹ Там же. С. 168—169.

Между тем Дмитриев внимательно следит за развитием литературных событий в Петербурге и за формированием шипковской коалиции, к которой стягивались прежние враги Карамзина. Еще в 1790-е гг. в переписке его с Карамзиным мы находим имя Павла Юрьевича Львова — «львенка», как Карамзин называл его в отличие от Н. А. и, может быть, от Ф. П. Львова. Резко иронический отзыв о нем содержался в письме Карамзина от 18 июля 1792 г.; Львов, писал Карамзин, имеет причины горевать от того, что он «имел несчастье написать „Памелу“, „Храм бессмертия“ и прочее»; в том же письме он упоминал о какой-то эпиграмме Дмитриева «на трех Львовых». Этот П. Ю. Львов был давним знакомым Дмитриева и вначале выступил как сторонник сентиментального направления и печатался в «Московском журнале», однако Карамзин решительно отказывался продолжать с ним сотрудничество.²⁰

В начале века имя П. Ю. Львова вновь является на литературной арене: в 1803 г. в Петербурге выходит его «Храм славы российских ироев» — обширное сочинение, включавшее похвальные слова легендарным и историческим лицам от Гостомысла до Ивана Грозного, Минина и Пожарского, с пышным посвящением Александру I. Книга была построена как аллегорическое «видение» самого автора, которому является богиня Славы, открывающая ему пантеон русских исторических лиц; тем самым он как бы сам брал на себя роль «голоса потомства», рупора Славы.

Эта-то книга, вполне «шипковистская» и по своим идеологическим и литературным установкам, встретила полную поддержку у автора «Рассуждения о старом и новом слоге. . .». 19 марта 1804 г. П. Ю. Львов был избран в Российскую академию на место умершего Н. А. Львова²¹ — совпадение, по-видимому, случайное, но дававшее новую пищу сопоставлениям Львова «большого» и «маленького». В августе того же года И. И. Дмитриев с раздражением писал Д. И. Языкову об «анекдоте о карле» в «Северном вестнике», написанном «неприлично», «к стыду нашей литературы». «Так ли должны писать члены Российской Академии? < . . . > Карамзин и даже Измайлов не члены Академии, а, право, написали бы лучше» (II. 187). Этот анекдот, принадлежавший как раз Львову,²² был, конечно, для Дмитриева только удобным предлогом, чтобы выразить свое отношение к новоявленному члену Академии. Через полгода Державин пишет Дмит-

²⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 28, 30. О начальном периоде деятельности Львова см.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 187—191.

²¹ Северный вестник. 1804. № 4. С. 119; Отечественные записки. 1826. Ч. 27, № 77. С. 419.

²² *Львов > Павел*. Ефим Пименов, или Редкой пример братской любви. Истинная повесть // Северный вестник. 1804. № 6. С. 334.

риеву, что «манинький Львов, но надутый великим самолюбием», забыл все его, Державина, прежние благодеяния, более не ходит к нему, обидевшись на какое-то, по-видимому критическое, суждение. «И правду сказать, как не возмериться и не поднимать носу, когда (как слышу здесь) московская публика превозносит его „Храм великих мужей“». ²³

Ободренный своим избранием и поддержкой, Львов тем временем рвался на высоты российского Парнаса и спешил принять участие в конкурсе на золотую медаль Академии: 12 июля 1804 г. было объявлено об условиях конкурса и темах сочинений: похвальные слова Пожарскому и Минину, Ивану Грозному и рассуждение о начале, успехах и распространении словесных наук в России; ²⁴ срок представления сочинений истекал 1 июля 1805 г., рукописи должны были быть анонимны (под девизом). Львов, живший в Вытегре, опоздал с представлением на несколько дней и прислал слово о Пожарском и Минине за своей подписью; Академия отказалась принять его по процедурным соображениям. Возникла переписка; Львов добивался рассмотрения рукописи в общем порядке. Академия настояла на своем и возвратила Львову сочинение, ²⁵ но дело тем не кончилось: 21 ноября 1805 г. Державин сообщал Дмитриеву, что сочинение Львова о Пожарском и Минине читали в собрании литераторов «от 7 часов вечера до 1 за полночь», минуя вступление и первую часть. «Удивительное изобилие, или, лучше сказать, пространное море велевечия. При всем том есть поразительные места, которые совершенную заслуживают похвалу. Это дом Щереметева, или лавка щепетинных товаров и мебели прекрасных, на которые глядя столбенеешь, не зная, которую выбрать, и в нерешительности выходишь ни с чем». ²⁶ Отношение Державина к сочинению Львова было более снисходительным, чем у Дмитриева, однако он не отказал себе в удовольствии сочинить эпиграмму, которую процитировал Дмитриеву в том же письме:

Историческо-хвально слово,
О муж витийственный, твое отлично, ново.
Тут красота и блеск
И слово в слово арабеск.

К сожалению, мы не знаем точно, как датируется эпиграмма Дмитриева на «Храм славы», который Львов «свахлял» «из щепочек». Эта эпиграмма, озаглавленная «Пародия. . .» — и в самом деле, пародирующая стиль сочинения Львова, ²⁷ имеет оче-

²³ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 180.

²⁴ Северный вестник. 1804. № 7. С. 93—95.

²⁵ Сухомятинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. 4. С. 164—165.

²⁶ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 187—188.

²⁷ Полное заглавие эпиграммы во вновь найденном автографе — «Пародия на слова: Сотворивший небо и землю, тот, который и проч. рек, сотворил нам бессмертного и — Петра Великого, явился, и творец восплескал

видные точки соприкосновения с державинской, которая также несет в себе пародийный элемент. Само слово «арабеск» взято из «Храма славы». Более того, странная формула «историческо-хвально слово» есть также имитация львовских многосоставных неологизмов, которые считались отличительной особенностью его стиля. Такого рода неологизмы широко практиковали и Шихматов, и Бобров, и сам Державин, однако даже на этом общем фоне эпитеты Львова воспринимались как неорганичные и искусственные и представляли как необходимый элемент его «надутого слога».

Львов стремился следовать Державину, однако Державин, как мы видели, пародирует его лексику. В дальнейшем именно за ним утверждается репутация изобретателя новых и «диких слов», и эта репутация настойчиво поддерживается новыми литературными поколениями.

3

Переписка о Львове вновь выявила хотя и не совпадающие полностью, но все же близкие точки зрения Державина и Дмитриева. Вместе с тем, как и ранее, Державин стремится уклониться от публичного заявления своей позиции. Дмитриев также высказывается только в письмах — к Державину, Языкову и, вероятно, другим своим корреспондентам. 15 сентября 1804 г. он пишет Языкову о новой книге Шишкова «Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. . .» (она была представлена в Академию 27 августа 1804 г., о чем было объявлено в «Северном вестнике»): «Непреренно желаю видеть продолжение ересей нашего славянофила; на сих днях вступают в продажу „Творения“ Пиндара, перетворенные другом его Кутузовым. Вот образчики из него:

Пиит, в блистании картин
Не делай с правдой лжи смешенье,
Тебя поя, Танталов сын,
Я древних не приемлю мнение;
Нептун, бог вод, тебя любя,
Похитил в пиршестве тебя,
Он с помощью коней своих,
Для неба зря тебя готовым,
Поднял тебя от стран земных,
Да будешь Ганимедом новым;
Отец тебя вотще искал:
Для смертных ты невидим стал и проч.

(Олимп. ода к Гиерону, часть 1-я, стр. 31).

Помимо Кутузова Дмитриев упоминал еще и о Хвостове — о его оде «Безначалие», которая, «вероятно, уже отправлена и в Петербург»

творению своему. Храм славы сгромождения П. Ю. Львова». См.: Степанов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 260—261.

(II. 188—189). Он указывает на потенциальные объекты полемики, но сам предпочитает, как и прежде, оставаться в стороне. Зато 9 октября он сообщает Языкову, что Бекетов не намерен более участвовать в «Друге просвещения» и отказывается даже быть издателем (II. 189). Почти нет сомнения, что этот отказ произошел не без воздействия Дмитриева: еще 9 января 1805 г. он в присутствии Жихарева упрекал своего двоюродного брата в пособничестве «бездарным писателям, довольно назойливым». «Дождит на злыя и благия!»²⁸ 28 С 1805 г. «Друг просвещения» печатается уже в типографии Ф. Гишпиуса, что и отметил Дмитриев в своей эпиграмме «Во славу тройцы певцов. . .», и с первого же номера в нем появляется имя А. С. Шишкова; автор «Рассуждения о старом и новом слоге» начинает сотрудничать здесь систематически.

К началу 1805 г. Дмитриев почти перестает участвовать в современных журналах. С прекращением «Патриота» В. В. Измайлова и со смертью П. И. Макарова в октябре 1804 г. из близких ему журналов остается один «Вестник Европы», перешедший в руки М. Т. Каченовского. Он отказывается от подписки на «Северный вестник» и объясняет это Языкову безденежьем и увеличившимся числом изданий, которые он предпочитает теперь читать в Английском клубе (II. 191). Нет сомнения, что здесь действовали и иные причины: Дмитриев не был удовлетворен «Северным вестником», хотя и не говорил этого Языкову прямо. В августе—сентябре А. А. Писарев (под криптограммой «—») напечатал два больших разбора — рецензий П. И. Макарова в «Московском Меркурии» и старых рецензий Карамзина в «Московском журнале»; хотя отношение его к Карамзину было вполне уважительным, а Дмитриев определялся как единственный, кто «может спорить с Лафонтеном», — все же оценка рецензий Карамзина была далеко не безусловной, а к Макарову критик демонстрировал прямо враждебное отношение.²⁹ Дмитриев запомнил эти статьи и еще в конце октября 1804 г. осведомлялся об их авторе (II. 190); мнения своего он не выразил, однако вряд ли оно было сочувственным. В письмах его о современной журналистике звучат иронические ноты. «Боже мой! сколько журналов! а борзых все еще мало» (II. 190). И о том же пишет ему Державин 21 декабря 1804 г.: московских журналов теперь много, как «прошлого лета грибов», но, как грибы, не все они здоровы для желудка. Дмитриев шутливо попенял Державину, что он «расхулил» московские журналы; в письме от 10 января тот оправдывался, что

²⁸ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 13.

²⁹ Рассмотрение всех рецензий, помещенных в ежемесячном издании под названием «„Московский журнал“, изданный на 1797 и 1799 год Н. М. Карамзиным», см.: Северный вестник. 1804. № 8. С. 141. Рассмотрение всех рецензий, помещенных в ежемесячном издании под названием «„Московский Меркурий“, издаваемый на 1803 год», см.: Там же. № 9. С. 294. О принадлежности криптограммы «—» А. А. Писареву см.: Русская критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 299 (примечание Л. Г. Фризмана).

грибы «не весьма дурное кушанье», но не для его слабого желудка.³⁰ Вся эта переписка косвенно отразится в более поздней эпиграмме Дмитриева на журналы.

Сам Державин, подобно Дмитриеву, стремился уклониться от непосредственного участия в изданиях, уже образующих литературные лагеря: на просьбу Хвостова об участии в «Друге просвещения» на 1805 г. он отвечает письмом, в котором вежливо отклоняет от себя всякие обязательства.³¹ В то же время он сообщает Дмитриеву, что писал письмо к Голенищеву-Кутузову о Пиндаровом переводе, «довольно ощутительно» высказав свою неудовлетворенность, «но он, — добавлял Державин, — принял его за чистую похвалу, благодарил меня и слышу, что им еще и хвастается». ³² В заключение Державин сообщал о грядущей «литературной буре» — на петербургскую сцену вышел «Новый Стерн» А. А. Шаховского с пародией на карамзинистов. «Тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку, с почтением пребываю и проч.» ³³ Декларируя свой нейтралитет, он сохраняет связи с обоими лагерями. 14 января 1805 г. он посылает Дмитриеву стихи «Память другу» — на смерть Н. А. Львова, прося напечатать в одном из журналов, на которые Дмитриев подписал его; естественно, Дмитриев выбирает «Вестник Европы». 23 января Державин благодарит его за замечания и поправки и посылает дополнительные. Стихи появляются во второй февральской книжке «Вестника Европы» (№ 4) за полной подписью Державина. Как будто желая избежать упреков в явном предпочтении, он отправляет для «Друга просвещения» «Скопихину». При обоих стихотворениях стоит одна и та же дата — «1803 г.», но под стихами, посланными Хвостову, Державин не подписывается: в тексте значится «от неизвестного». ³⁴

«Друзьям просвещения» между тем, как и прежде, нужны не только стихи, но и имя. Они пытаются восполнить потерю, печатая в том же апрельском номере присланную якобы от «неизвестной особы» «Надпись к портрету Гавриила Романовича Державина», ³⁵ и вслед за тем Хвостов обращается к Державину с новым письмом, прося об участии в журнале. Державин и на этот раз отвечает уклончиво. Он благодарит за «надпись», которой не вполне доволен: бестактное упоминание о «мраке», покрывавшем российский Парнас до прихода Державина, набрасывало тень на заслуги Ломоносова и еще здравствовавшего Хераскова. На просьбу посылать стихи он отвечает, что намерен издать собрание своих «кропаний» и потому может служить лишь мелочами,

³⁰ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 179—180.

³¹ Там же. С. 180.

³² Там же. С. 179 (письмо от 22 дек.).

³³ Там же. С. 180—181.

³⁴ Друг просвещения. 1805. № 4. С. 7.

³⁵ Там же. С. 30.

«надписями на разные случаи» и «несколькими баснями». ³⁶ Впрочем, для июньского номера он присылает свой шедевр «К снигирию. По кончине князя Суворова», также требуя sobлюсти анонимность. ³⁷ Публикация этого стихотворения в «Друге просвещения» была жестом вежливости: Хвостов был в родстве с Суворовым, и в его журнале систематически печатались мемуарные «анекдоты» о полководце.

Таково было положение дел в тот момент, когда пишковисты начинают пересмотр литературных репутаций, в том числе и репутации самого Дмитриева.

4

Уже по переписке Дмитриева с Державиным 1804—1805 гг. мы могли заметить, что вопрос о литературных репутациях назревал, хотя и не затрагивал пока высот российского Парнаса. Факт принятия Львова в Российскую академию в обход Карамзина (что заметил, конечно, не один Дмитриев) был актом почти демонстративным; в меньшей степени, но также демонстрацией было выступление Кутузова с переводами из Пиндара, который традиционно считался эталоном одической поэзии. Группа Шишкова обретала своих «образцовых писателей», и Дмитриев, задетый и оскорбленный неожиданной конкуренцией, вероятно, не без умысла обращал внимание Державина на новоявленных классиков, естественно — быть может, отчасти и сознательно — провоцируя его недовольство, как мы видим, не без успеха. Однако до сего времени проблема не становилась предметом печатного обсуждения; Державин как будто специально предупреждал против этого, ссылаясь на неразвитый вкус публики, который не перделает и «самая лучшая рецензия». ³⁸ Этот устный регистр полемики, отражавшийся в разговорах, переписке и эпиграммах, был не только данью дипломатической осторожности, но имел и некоторое теоретическое обоснование. В начале XIX в. проблема критики, ее форм и допустимых пределов была предметом постоянного обсуждения; преобладала точка зрения, согласно которой критика должна быть мягкой и, исправляя недостатки, обращать преимущественное внимание на «красоты» разбираемого сочинения. ³⁹

Такова была точка зрения Карамзина, последовательно проводимая им в «Вестнике Европы», и защитником ее выступил в 1804 г. А. А. Писарев в своем разборе рецензий Карамзина и

³⁶ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 182—183 (письмо от 16 мая).

³⁷ Друг просвещения. 1805. № 6. С. 186 (с прим.: «Сия пьеса прислана от неизвестного»).

³⁸ Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 180 (письмо к Дмитриеву от 10 янв. 1805 г.).

³⁹ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. С. 61 и след.

Макарова. В своем противопоставлении критики «научающей» и «осуждающей» (пример первой — Карамзин, второй — П. И. Макаров) Писарев пошел значительно далее Карамзина, решительно отвергая всякий элемент иронии в критической статье. Между тем уже появление книги Шишкова (с пародией на «стиль élégансе») и «Нового Стерна» Шаховского продуцировало памфлетные формы литературной борьбы.

Дмитриев и ранее не склонен был разделять ни теоретических установок Карамзина в отношении к критике, ни его терпимости к литературным нападениям и предпочитал резкую полемику, однако в скрытых формах. Его оружием была рукописная эпиграмма или язвительный намек в традициях сатирической журналистики XVIII в. Из теоретических положений Карамзина он принимал, однако, принцип «позитивной критики», поучения образцом и примером: «Пиши, кто умеет писать хорошо: вот самая лучшая критика на дурные книги».⁴⁰ В письме к Д. И. Языкову Дмитриев перефразировал эту формулу: «. . . не утерпишь, чтоб не сказать слова два о ваших витязях петербургской литературы. Что они сами? Пускай поставят в образец нам собственные произведения и научат писать лучше» (П. 192).

Все эти теоретические постулаты должны были подвергнуться практической проверке уже в начале нового, 1805 г. В это время Ал. Тургенев, только что приехавший в Москву, сообщает в Геттинген Кайсарову, что Дмитриев в пансионском собрании «твердит беспрестанно Хвостову и Кутузову, которые издают вместе журнал, чтобы они шли учиться благоразумной критике к детям в пансион».⁴¹ Буквально в те же дни Жихарев записывает в дневнике, что Хвостов в разговоре «очень негодовал, что Ив. Ив. Дмитриеву присвоили в Москве название русского Лафонтена» и А. А. Беклешов успокаивал его, называя «нашим Езопом».⁴² Этот диалог носил характер почти символический и как бы концентрировал в себе проблематику будущих столкновений: Хвостов требовал пересмотра репутаций, Беклешов иронически сводил это требование к личной конкуренции. Принципиальная полемика материализовалась в антитезе «Дмитриев—Хвостов», «талант и бездарность». Полемика назревала, и, быть может, в преддверии ее «Вестник Европы» печатает статью из Жанлис «Об авторской вражде», где идет речь об авторском самолюбии и о полемике, которая только «писателей без дарований» делает неумолимыми, но не в силах повредить истинному достоинству.⁴³

Такова была ситуация в начале 1805 г., когда в первом номере «Друга просвещения» Хвостов напечатал свою «притчу» «Орел и змея» — о даровании, которое «на небеса летит И подлой зависти

⁴⁰ Карамзин Н. М. Письмо к издателю // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 7.

⁴¹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 328.

⁴² Жихарев С. П. Записки современника. С. 22.

⁴³ Вестник Европы. 1805. № 1. С. 38.

презрением мстит». ⁴⁴ Этот сюжет уже сам по себе имел литературно-полемический подтекст. Конкретный его смысл от нас сейчас ускользает. Вряд ли Хвостов подразумевал под «орлом» себя самого. Может быть, до него уже дошли недоброжелательные отзывы Дмитриева о кутузовском «Пиндаре». Уже во второй январской книжке «Вестника Европы» как отзвук их появляется эпиграмма Панкратия Сумарокова:

Леандр, наш стиходей, на Пиндара походит
Не слога красотой,
Не мыслей высотой,
Но *особливостью* лишь той,
Что так же, как и тот, не вверх ногами ходит. ⁴⁵

Вслед за тем в борьбу вступает сам Дмитриев. Он принимает ту тактику, о которой позднее напишет в письме Языкову, — тактику литературного соревнования. Он отвечает Хвостову переводом той же басни «Орел и змея», возвращая, таким образом, обвинение в зависти «дарованию» и одновременно стремясь преподать ему урок поэтического переложения. ⁴⁶

Это был первый, но не единственный случай соперничества Дмитриева с поэтами «Друга просвещения». Он повторил опыт почти сразу же, когда в журнале Хвостова и Кутузова анонимно появилась «Песенка. Подражание французской» («Я счастлив был, когда в невинности приятной. . .»), принадлежавшая перу Хвостова. ⁴⁷ Она становится известной в апреле, а в мае Дмитриев публикует свой перевод того же оригинала под заглавием «Стансы» («Я счастлив был во дни невинности беспечной. . .») с авторским примечанием: «Эта безделка уже давно мною переведена и известна была моим приятелям; ныне же я решился напечатать ее для того, чтоб не смешали моего перевода с другим, который напечатан от неизвестного, под именем *песенки*, в четвертой книге (м. Апрель) „Друга Просвещения“ на 1805 год». ⁴⁸ Читателям вновь представлялась возможность выбрать лучший образец.

Хвостов продолжил эту своеобразную полемику, напечатав в октябрьском номере свою «Мышь-пустынницу». ⁴⁹ Как мы помним, именно эта басня Лафонтена в дмитриевском переложении («Мышь,

⁴⁴ Друг просвещения. 1805. № 1. С. 17.

⁴⁵ Вестник Европы. 1805. № 2. С. 130 (подп.: У. Ф. Х. Ц. Ч.).

⁴⁶ *И. Дмитриев*. Орел и змея: (Подр. франц.) // Там же. № 3. С. 220. Любопытно, что, переиздавая свою басню, Хвостов (как это он делал обычно) снял литературно-полемический намек; в примечании он указал, что басня «переделана после басни И. И. Дмитриева на то же содержание» (Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. Т. 4. Басни и сказки. С. 135, 301).

⁴⁷ Друг просвещения. 1805. № 4. С. 29. Автограф «Песенки» см.: ИРЛИ, ф. 322 (Д. И. Хвостова), № 3, с. 143. См.: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986. С. 511 (примечание А. М. Пескова и И. З. Сурат), — где установлен и французский источник (Г. Буше).

⁴⁸ Вестник Европы. 1805. № 10. С. 133.

⁴⁹ Друг просвещения. 1805. № 10. С. 12.

удалившаяся от света) была сочтена образцовой и полностью перепечатана в рецензии «Северного вестника». В ноябре в «Друге просвещения» появляется «Пустынный и фортуна» Горчакова — эту басню Дмитриев переводил еще в 1792 г. и включал во все собрания сочинений.⁵⁰ Наконец, в двенадцатом, декабрьском номере Хвостов анонимно публикует притчи «Дуб и трость», «Два друга», «Два голубя».⁵¹ Все три сюжета также были уже использованы Дмитриевым; первая и последняя его басни (под тем же названием) считались классической интерпретацией Лафонтена.

До сих пор Хвостов был пассивной стороной в предложенной ему литературной конкуренции — теперь он как будто перехватывает инициативу, предлагая свой образец для сравнения с дмитриевским. Это происходит уже тогда, когда литературное первенство Дмитриева открыто подвергается сомнению в печати.

5

До середины 1805 г. литературная война шла подспудно, обнаруживая себя в отдельных рецензиях и мелких полемических стычках. Даже «Новый Стерн», поставленный на сцене петербургского Малого театра 31 мая 1805 г., вопреки ожиданиям Державина не привел к открытому столкновению.⁵² Дело меняется в июне 1805 г., когда Я. А. Галенковский анонимно выступает в «Северном вестнике» с прямым требованием переоценки литературных репутаций. Он призывает отказаться от мысли, что вся русская словесность заключается в Москве «на Никольской улице», где жил Карамзин; требует критически рассмотреть «Письма русского путешественника», «Аглаю», «Наталью, боярскую дочь», которые критикуются от Шотландии до Парижа, и, наконец, произнести беспристрастный суд над «Сочинениями и переводами» Дмитриева. Каков будет этот суд, показывала его стихотворная сатира, приложенная к статье, — перепев капиштовской «Сатиры I»; в ней были задеты Карамзин-историк и «Дамон» — Дмитриев, который «две басенки иль три на русский преложив, Уж думает, что он совместник Лафонтена»; впрочем, Галенковский не пощадил ни Кутузова, ни Шишкова, ни Хераскова, ни даже, кажется, самого себя.⁵³ Несмотря на этот широкий кри-

⁵⁰ Там же. № 11. С. 107.

⁵¹ Там же. № 12. С. 217—222.

⁵² Эпиграмма на «погребение» «Нового Стерна» появляется только в 1806 г. См.: Московский зритель. 1806. № 9. С. 39; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. С. 694 (коммент. М. И. Гиллельсона). Полемика о «Новом Стерне» коснулась не столько литературной, сколько социальной проблематики комедии — о женитьбах дворянских детей на крестьянках. См.: Шаговской А. А. Комедии; Стихотворения. Л., 1961. С. 804—809 (коммент. А. А. Гозенлуда); История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 183—184 (статья Н. Л. Степанова).

⁵³ Северный вестник. 1805. Ч. 6, № 6. С. 295; ср.: Поэты 1790-х—1810-х годов. Л., 1971. С. 486—487, 849; Лотман Ю. М. Писатель, переводчик и критик Я. А. Галинковский // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 238—239.

тический адрес, Дмитриев был раздражен статьей и сатирой больше, нежели всеми предшествующими. Он прочитал ее в середине июля и тогда же написал Д. И. Языкову: «Хотел бы знать, кто этот ваш корреспондент, который обещает добровольно клеймить чужие произведения!» Языков уклонился от ответа, и Дмитриев повторил свой вопрос: «Вы позабыли исполнить мою просьбу и дать мне знать, кто писал приговоры свои на нашу братью в прозе, также и кто пародировал начало капнистовой сатиры?» (II. 194). По слухам, он уже предполагает авторство Галенковского. Раздражение его настолько сильно, что он оставляет даже обычный в переписке с Языковым сдержанный тон. «. . . Для чего скрывать свое имя? Вероятно, что такие писачки только и слышны будут в журналах. Вероятно, что и журналы с такою разборчивостью скоро прослынут не журналами, а калашнею, в которую сходится всякая сволочь бранить высших себя и тем отмщать за свое ничтожество» (II. 192—193). Его негодование распространяется и на «Северный вестник», поместивший статью и сатиру, хотя издатель И. И. Мартынов снабдил статью своими критическими примечаниями. Отныне он будет «клясть» «мерзости», помещаемые в журнале Мартынова, — такие, например, как анонимные басни «Голубчик и тетеревочик», «Историки-лжецы» и «Овца и свинья», о которых он упоминает в письме к Языкову (II. 195).⁵⁴

Статья Галенковского была сигналом к открытой полемике. В августе Каченовский в «Вестнике Европы» разражается гневной тирадой: «Никакая статья, оскорбляющая вкус, противная приличностям общежития, возбуждающая омерзение, словом, никакая статья, похожая на критику, или, лучше, на пасквиль, помещенный в одном из периодических наших сочинений, в котором *безыменный* автор изволит забавляться на счет писателей, украшающих Парнасс Российский, и ставить их наравне с безыменными пачкунами — не обезобразит моего журнала».⁵⁵ В этом пассаже слышен не только негодующий пафос Дмитриева, но и его фразеология: нападение на «безыменных» писателей и излюбленный Дмитриевым презрительный эпитет «пачкуны». Полемика приобретала конкретный адрес.

В сентябре 1805 г. Шаликов помещает в «Вестнике Европы» «Сказку. (Из Боккалини)», где рассказывается о критике, искавшем ошибки у знаменитого писателя и награжденном за это кучей соломы.⁵⁶

В октябре в «Друге просвещения» печатается перевод «из сочинений г. Трюблета» — о зависти среди сочинителей и о писательской славе.⁵⁷

⁵⁴ Северный вестник. 1805. № 9. С. 337—338. Первая басня подписана «От неизвестного»; две последние — «Прислано из Киева».

⁵⁵ Вестник Европы. 1805. № 16. С. 322—323.

⁵⁶ Там же. № 17. С. 52 (Подп.: К. Ш—вь).

⁵⁷ Из сочинений г. Трюблета о том, что надобно ученым людям следовать своему дарованию / Пер. А. Болховской (Воронеж) // Друг просвещения. 1805. № 9. С. 210; № 10. С. 36.

В этой общей атмосфере было небезразлично, как поведут себя писатели старшего поколения с общепризнанной репутацией, прежде всего Державин.

6

Как мы видели, издатели «Друга просвещения» не прекращали попыток привлечь Державина в свой журнал и отчасти в этом преуспели. Лето 1805 г. изменило соотношение литературных сил, и Державин не мог об этом не знать. В 1804 г. произошло его знакомство с Галенковским, который потом стал его родственником, женившись на Марии Бастидон; о «Новом Стерне» он сам сообщал Дмитриеву. От полемики Державин устранился, но вместе с тем почти устранился и от участия в «Друге просвещения». В сентябре 1805 г. он отдает сюда эпиграмму «От Тромпетина к Булавкину»; она была напечатана без имени и без всяких примечаний. Так же анонимно публикуется несколько надписей к портретам высочайших особ — в декабрьском номере.⁵⁸ Больше в журнале Хвостова и Кутузова Державин не помещает ничего.

То, чего тщетно добивался Хвостов, получает Дмитриев. Во второй сентябрьской книжке «Вестника Европы» печатается «Лето» Державина — стихи, прямо обращенные к Дмитриеву, с прозрачно скрытым именем адресата и столь же прозрачным — автора. «Автор не подписал своего имени, — значилось в издательском примечании, — это и не нужно. Читатели узнают российского барда по напеву».⁵⁹ В следующей же книжке появляется и стихотворный ответ Дмитриева, с примечаниями; в конце ноября — новое обращение Державина к Дмитриеву — «Цыганская пляска», где были тонко комплиментарные отсылки к дмитриевским стихам и эпитет «нежного певца», примененный к адресату. Это была та самая двусторонняя поэтическая переписка, на которую вызывал Державина Хвостов: еще в письме от 1 мая, судя по ответу Державина, он напоминал о своем послании к нему и ответе Державина — «Волхов Кубре»; в октябрьском же номере своего журнала, уже зная державинское «Лето», он делает еще одну попытку начать обмен посланиями, печатая обширную «Оду Г. Р. Д. 1804 года».⁶⁰ Как мы помним, в 1804 г. на послание «барду» последовал «Волхов Кубре»; теперь же «Ода» вызвала у Державина, скорее, легкую досаду. Она ничуть не уступала предшествующей. Хвостов не менялся; менялось отношение к нему Державина — и мнение Дмитриева играло здесь свою роль. Поэтическое же приветствие Дмитриеву сразу после призыва критически оценить всю его литературную деятельность было, конечно, демонстративным; Державин говорил свое слово в споре о литературных репутациях.

⁵⁸ Там же. № 9. С. 198; № 12. С. 230.

⁵⁹ Вестник Европы. 1805. № 18. С. 107; № 19. С. 202—203; № 22. С. 134—135.

⁶⁰ Друг просвещения. 1805. № 10. С. 5.

Приветственное послание оказывалось своего рода декларацией и даже, если угодно, полемикой.

Почти одновременно с Державиным выступает и Хвостов — со стихотворным «Письмом к Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, во время пребывания его в деревне, на смерть графа Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина», где произносит поэтическую апологию переводам Кутузова из Пиндара. Вне зависимости от субъективных намерений автора его послание в создавшейся обстановке звучало тоже демонстрацией и полемикой:

Пиндара в древности, причину плесков мира,
Умела воскресить твоя в России лира. . .
Присвоя Северу бессмертных сих певцов,
Кутузов! сам ты стал участник их венцов. . . ⁶¹

Ода Хвостова Державину появляется также в октябре, а уже 6 ноября Дмитриев пишет Державину письмо, обращая его внимание на стихи Хвостова и его друзей и прося воздействовать на них. Вероятно, он не упустил указать Державину на стихи Кутузову, во всяком случае о них он упоминал через неделю в письме Жуковскому: Хвостов, писал он, «кадит Гомеру и Пиндару» и «печет оду за одой» (II. 196).

Державин соглашался нарушить молчание, хотя и без особой охоты; он замечал, что стихи Хвостова и его друзей лучше бы предать «воле божией», так как «публика равнодушно их терпит». «Однако же Дмитрию Ивановичу, при благодарности моей за похвалу его мне, напечатанную в минувшем месяце в „Друге просвещения“, попытаюсь сказать правду. Не знаю, сделает ли запор сия позолоченная крепительная пилюля». ⁶² Об оде он написал Хвостову в тот же день, 21 ноября, заметив осторожно, что Хвостову не следует торопиться писать и тем более печатать, чтобы не подвергаться критическим нападкам; о журнале же его он отозвался сдержанно-прохладно, что в нем есть «между прочими и полезные вещи». ⁶³ Эта переписка запомнилась Хвостову надолго; через много лет он именно с этой одой связывал слова Державина о присущей ему, Хвостову, лирической «надутости». ⁶⁴

15 ноября Дмитриев сообщает Жуковскому, что ждет прямой полемики. «Друзья просвещения присоединили к тричисленному своему лику обер-секретаря Сандунова и с первой рыжею книжкою на будущий год пустят гром на русских путешественников и на все, где только встретят слезу и милое. По всему кажется, что не уйти и мне от их перунов, хотя я ни до слез, ни до сладкого не охотник» (II. 196). Вслед за тем он извещает, что Шаликов объявил об издании «Московского зрителя», но, к сожалению, не имеет помощников.

⁶¹ Друг просвещения. 1805. № 9. С. 183.

⁶² Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 6. С. 187.

⁶³ Там же. С. 188—189.

⁶⁴ См.: Поэты 1790-х—1810-х годов. С. 440, 845.

Нет сомнений, что Дмитриев уже готовился к обороне со страниц «своего» журнала. Он понимал прекрасно, что журнал этот не будет достаточно авторитетен, и, вероятно, упоминание о нем в письме Жуковскому делалось не без задней мысли: Дмитриеву, конечно, хотелось бы видеть его в числе сотрудников. В этой связи особое значение приобретает свидетельство А. И. Тургенева в письме к Кайсарову от 9 февраля 1805 г. «Жаль, что тебя здесь нет, — писал Тургенев, а то бы мы, так как нынче в моде издавать журналы, начали бы свой, на что уговаривает меня Дмитриев и предлагает мне, Жуковскому, Мерзлякову» свой дом для собрания и для работ. Ему хочется этого непременно». Итак, речь идет о новом журнале, «своем» журнале, — видимо, «Вестник Европы» Дмитриев не считает своим до конца. В этом журнале должны принять участие молодые литературные силы (заметим, что двое из приглашенных — будущие «арзамасцы»), и их объединение должно составить полемический фронт. Это совершенно очевидно из последующих строк Тургенева, в которых он предлагает завести «литературную переписку» для печати — если не в Москве, где цензура очень строга, то в Лейпциге. Он просит Кайсарова об ученых и литературных известиях из Германии, а сам обещает доставлять сведения «о здешних глупостях и друзьях просвещения, которые пишутся врагами его, т. е. Кутузовыми и Хвостовыми. . .» «Критика здравая, строга, беспощадная и полезная — вот цель и план нашей переписки». ⁶⁵ Тургенев словно пересказывает излюбленные мысли Дмитриева (именно Дмитриева, а не Карамзина) и указывает на его прямых врагов — «Кутузовых и Хвостовых». Но за журнал ни он, ни Жуковский взяться не решаются. «Московский зритель» был паллиативом, но Дмитриев рассчитывал им распоряжаться, и, конечно, не мог не думать о будущих участниках.

В этой ситуации он должен был с особым вниманием и пристрастием присматриваться к новым книжкам «Друга просвещения». В одиннадцатом, ноябрьском номере ему попадает на глаза анонимная (принадлежавшая Хвостову) притча «Барыня и ткачи» с полемической концовкой:

Так рассуждает ввек пита-самохвал.
Коль вылощит стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянец был бы в них, лишь были б гладки,
А там, хотя идей и чувства нет,
Кричит: вот élégance — и я Поэт! ⁶⁶

Басня Хвостова была, вероятнее всего, направлена против В. Л. Пушкина — пародировалось его послание «К любимцам муз», ⁶⁷ однако Дмитриев отнес этот выпад к себе: он читал «Друга просвещения» с известной установкой.

⁶⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 333.

⁶⁶ Друг просвещения. 1805. № 11. С. 107, 123, 142. См. также: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 147, 627—628.

⁶⁷ Патриот. 1804. № 4. С. 97. Об этом стихотворении см.: Поэты 1790-х—1810-х годов. С. 663.

24 декабря он пишет Языкову: Хвостовщина объявила явную войну врагам своим, команду над армией вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвещения, и выступит с будущего месяца против «Московского зрителя». Он сообщает о распределении сил: «Московский курьер» С. М. Львова — скрытый союзник первой партии, «Вестник Европы» тяготеет ко второй; «Минерва» держит нейтралитет. Сам он тоже намерен остаться в стороне и «зевать на их подвиги» (II. 197).

Вряд ли он был совершенно искренен в этом последнем заявлении. Его симпатии и антипатии совершенно определены. Он не выступает в печати, но прибегает к другим видам борьбы, прежде всего к эпиграмме.

Есть основания полагать, что большинство эпиграмм Дмитриева на журналы падает именно на конец 1805 г. Притча Хвостова «Барыня и ткачи» вызывает у него совет «на *вкус* слепить сатиру. а там и здравый смысл ухлопать в добрый час». По-видимому, тогда же, в конце года, когда помещались объявления о новых журналах или продолжении прежних, пишется и эпиграмма на «Друга просвещения» — «журнал для толка, а не вкуса», имеющий быть «и впредь в печатне Гиппиуса» «во славу троицы певцов» — Хвостова, Кутузова и Салтыкова.⁶⁸ Наконец, в эпиграмме «На журналы» («Как этот год у нас журналами богат. . .») определились те же симпатии и антипатии, которые установились у Дмитриева после статей Галенковского в «Северном вестнике»: в число журналов, предназначенных для внелитературного употребления, входят и «Вестник для карел» («Северный вестник»), и «Корифей» того же Галенковского, и «Московский курьер» Львова, и, конечно же, «Просвещения сват», — все, за исключением «Вестника Европы».⁶⁹

Еще в январе 1806 г. он будет жаловаться Языкову, что цензура пропустила притчу на него «Барыня и ткачи» (II. 199). Вообще этот одиннадцатый номер «Друга просвещения» окажется под полемическим обстрелом еще в 1806 г.: в апреле в «Московском зрителе» появится «Анекдот об анекдоте» — о нелепости диалога между Хвостовым и Суворовым, помещенного в ноябре в «Друге просвещения».⁷⁰

В противоположность тому, что Дмитриев писал Языкову, позиция его активна, а не пассивна. Он не только защищается, но и нападает, но особым образом: оставаясь в тени. Некоторые косвенные признаки дают нам право предполагать, что он пустил по рукам свои эпиграммы. В январе он негодует в письме к Языкову, что цензура запретила критическую статью Шаликова против графа Хвостова, и просит вступить за обиженного жур-

⁶⁸ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. С. 356.

⁶⁹ Уточненный текст этой эпиграммы по автографу Дмитриева см.: Стелланов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине. С. 261.

⁷⁰ Ср.: Руской анекдот // Друг просвещения. 1805. № 11. С. 149 и Анекдот об анекдоте // Московский зритель. 1806. № 4. С. 13.

налиста; одновременно он посылает Языкову свой критический разбор последних двух од Хвостова — «На победу» и «Зима», появившихся в декабрьском номере; Языков предлагает напечатать замечания, но Дмитриев удерживает его: они писаны «не таким тоном, какой требуется для критики, предназначенной для публики» (II. 200). Это, конечно, памфлетный разбор, рассчитанный на чтение и устную известность. Устная и рукописная литература формировала подспудный слой литературного быта, и лишь изредка на его поверхности появлялись островки печатной полемики. Исследователи ее уже обращали внимание на тот своеобразный факт, что полемисты знали о готовящихся публикациях; так, Дмитриев, сообщая Жуковскому, что противники намерены напасть на «русских путешественников» и на «слезу и милое», имел в виду конкретное произведение: «Оду к милой во вкусе новой литературы», появившуюся в первом номере «Друга просвещения» за 1806 г.; в свою очередь эта «Ода» намекала на «Отрывки путешествия моего по комнатам» Б. К. Бланка, которым еще только предстояло появиться в октябрьском номере шаликовского журнала. Поэтому эпиграмматическая «превентивная война», принятая Дмитриевым, была вовсе не излишней: он не предполагал, а точно знал, что с новым, 1806 г. начнется открытая и резкая полемика. Так и случилось. Весь январский номер «Друга просвещения» был наполнен выпадами против «чувствительно-нежного бреда» «модной литературы». В феврале Хвостов печатает завуалированный памфлет на Шаликова «Письмо Петрония к Ювеналу» — своего рода мечь за несостоявшееся критическое выступление. Дмитриев первым разгадал намеки, впрочем довольно прозрачные, и надоумил Шаликова. Началась ожесточенная борьба с явными выпадами и скрытыми намеками, которые сейчас уже не всегда можно расшифровать. Печатные издания сохранили нам лишь часть всего этого полемического материала; другая — и, быть может, большая — осталась в списках (в значительной мере утраченных или невыявленных) и даже в устном обиходе.⁷¹

Такова была эпиграмма Державина «В одежде красной был год прошлый сей журнал», где речь шла о старом «вранье» под обновленной обложкой «Друга просвещения». Под «враньем» Державин понимал «звучную лиру» Хвостова.⁷² Такова была и эпиграмма Вяземского «Друзья нынешнего века»; она датируется 1812 г. по первой публикации, но содержание ее ведет нас именно к первому номеру «Друга просвещения» за 1806 г., где было опубликовано письмо некоего «Н.Е.» с нападками на карамзинистов и одновременно с указанием на «надменность названия» «Друг

⁷¹ *Альшиуллер М. Г.* Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века: («Друг просвещения» и «Московский зритель») // *Русская литература XVIII века и ее международные связи.* Л., 1975. С. 100—101, 106. (XVIII век. Сб. 10).

⁷² *Державин Г. Р.* Сочинения. 2-е изд. 1870. Т. 3. С. 303; Ср.: *Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в.* Л., 1975. С. 113, 652—653.

просвещения». Это письмо послужило основанием для кутузовского «Ответа» в том же номере:

Быть Другом Просвещенья
Есть то же самое, что свет наук любить,
И нет в названье том желанья, стремленья,
Чтоб всех наставить, просветить.⁷³

Эпиграмма Вяземского производит впечатление прямого ответа:

Картузов другом просвещенья
В листках провозгласил себя.
О времена! О превращенья!
Вот каковы в наш век друзья!⁷⁴

По-видимому, устная традиция сохраняла детали полемики в течение нескольких лет, и в 1812 г. еще помнили стихи, напечатанные в «Друге просвещения». Спустя более четверти столетия М. Н. Макаров («Авенир Народный») будет вспоминать, что «граф Д. И. Хвостов и П. И. Голенищев-Кутузов, участвуя в журнале „Друг просвещения“, кажется, первые сделали какой-то раздел в нашей московской литературе».⁷⁵ Вяземский принадлежал к младшему поколению «Арзамаса»; Жуковский, А. Тургенев, Воейков, Блудов в 1806 г. уже могли сами принимать участие в журнальных стычках — и, как мы видели, Дмитриев недвусмысленно приглашал их к этому.

Тем временем на свет появляется «Московский зритель».

7

В первом номере нового журнала была напечатана своего рода декларация — «Письмо к издателю журнала». Оно не было подписано, но уже П. А. Плетнев в 1847 г. уверенно говорил, что оно принадлежит Дмитриеву, — и эта атрибуция в дальнейшем не оспаривалась. В ее пользу можно привести целый ряд соответствий — как семантических, так и чисто фразеологических — из более поздних дмитриевских писем.

В «Письме. . .» содержалась программа журнала. Дмитриев советовал следить, чтобы журнал был самостоятелен, оригинален и «занимателен», и намечал возможные темы: отечественные нравы и литература («более подлинников, чем переводов, более *местного*»); критика галломании молодых светских людей, и в их числе «новых русских эмигрантов», отъезжающих из корысти «в чужие края»; состояние художеств; наконец, он обращал особое внимание на «благоразумную критику», беспристрастные и доказательные разборы сочинений.

⁷³ Друг просвещения. 1806. № 1. С. 69—73, 83 (подпись: П. Г. К.).

⁷⁴ Санктпетербургский вестник. 1812. № 5. С. 166 (подпись: В.); Русская эпиграмма. С. 265.

⁷⁵ Московский наблюдатель. 1835. Август, кн. 2. С. 621.

По-видимому, Шаликов рассматривал «Письмо. . .» как программу, которой надлежит следовать неуклонно. В рецензии на драму С. Глинки «Наталья, боярская дочь» он буквально выполнил несколько ироническую рекомендацию Дмитриева оповестить земляков, что сочинения Карамзина переводятся на иные языки,⁷⁶ в статье «О воспитании» сделал примечание о молодых людях, которые, «возвратясь из чужих краев, осмеют все в отечестве, которого они недостойны», и уедут обратно;⁷⁷ наконец, в обращении к читателям в последнем номере журнала прямо перефразировал «Письмо. . .»: «Смею надеяться, что читатели снисходительно простят мне многое в уважение сочинений оригинальных, которые составляют половину каждой книжки моего журнала; местных описаний, которые более или менее, но всегда занимательны. . .»⁷⁸

Естественно, что Шаликов не мог пройти и мимо рекомендации создать постоянный критический отдел. Несмотря на дипломатически-бесстрастный тон дмитриевского письма, совершенно ясно, что Дмитриев ориентировал журнал и на полемические выступления. В качестве примера «стихотворной нелепости», заслуживающей строгой критики, приводилась «ода», где вместо «приятного беспорядка» — «галиматья», где нет точности мысли и словоупотребления, «благородства» слога и «метафорического, божественного» языка. Такая ода, наполненная «струнами, перунами, блестящими, трескающими», есть «гадкое рифмосплетение», и ей следует противопоставить «примеры из Горация, Пиндара, Руссо, Державина, Ломоносова и достойных их подражателей». Нет никаких сомнений, что Дмитриев имел в виду конкретные объекты, прежде всего Кутузова и Хвостова, на чьи оды посылал сам Языкову критические замечания. Как мы помним, Шаликов попытался осуществить это требование, но цензура не пропустила его критики, что вызвало беспокойство и возмущение Дмитриева. Однако самое его письмо содержало в себе сильный и мастерски введенный полемический заряд.

«Сколько выходит журналов здесь и в Петербурге, — писал Дмитриев, — но много ли чтено на них?» Далее в тексте две строки точек, и с абзаца начинается следующая фраза: «Прочих журналов я не читал; итак, остановимся теперь и отдохнем на „Вестнике Европы“». Пропуск, обозначенный точками, совершенно намерен: он показывает, что за первой фразой следовало поименное перечисление петербургских и московских журналов (ср. «Прочих журналов я не читал. . .») с резкой характеристикой, невозможной в печати. Первая фраза — об обилии журналов — и упоминание «Вестника Европы» в последней подсказывали осведомленному читателю, какой текст следовало подставить в лакуну: это была эниграмма «Как этот год журналами богат. . .»

⁷⁶ Московский зритель. 1806. № 5. С. 55.

⁷⁷ Там же. № 11. С. 10—11.

⁷⁸ Там же. № 12. С. 23.

Такое чтение тем более вероятно, что в письмах Дмитриева (а мы имеем дело действительно с письмом, со всеми характерными особенностями эпистолярного стиля Дмитриева, вплоть до излюбленной фразы: «Но довольно: боюсь наскучить. . .») постоянна автоцитация, в том числе и автоцитация эпиграмм (см., например: II. 203). Если, как мы предполагаем, эпиграмма о журнале уже ходила по рукам, то в литературных кругах это место статьи должно было читаться как памфлет.

Таким образом, и без критик Шаликова первая книжка «Московского зрителя» становилась для Дмитриева средством борьбы с литературными противниками. Но он прибегнул к еще более тонким и опосредствованным способам полемики — уже позитивным, и одним из них, как мы предполагаем, стала публикация первых басен Крылова.

О творческой истории крыловских басен, опубликованных в «Московском зрителе», мы знаем не слишком много. По рассказу М. Е. Лобанова, приехав в Москву в 1805 г., Крылов принес Дмитриеву свои басенные опыты; Дмитриев приветствовал их словами: «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его».⁷⁹ С незначительными вариациями рассказ этот повторяют и другие мемуаристы, добавляя, что Крылов под воздействием уговоров Дмитриева преодолел свое отвращение к басенному «роду» и стал писать басни систематически. Первыми из них были «Дуб и трость» и «Разборчивая невеста», напечатанные в первой книжке «Московского зрителя» с примечанием Шаликова: «Я получил сии прекрасные басни от И. И. Д. Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему. . . Имя любезного поэта обрадует, конечно, и читателей моего журнала, так, как обрадовало меня».⁸⁰ В последующей книжке выходит третья басня Крылова «Старик и трое молодых».⁸¹

⁷⁹ Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. СПб., 1847. С. 48. Ср.: Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 344; Т. 2. С. 66; Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 116—117. Свод свидетельств см.: Каллаш В. В. И. А. Крылов: Биографический очерк // Крылов И. А. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 1. С. LX.

⁸⁰ Московский зритель. 1806. № 1. С. 73. Любопытные детали к этому рассказу Шаликов добавил в позднем (1845) письме к Вяземскому: Дмитриев привез к нему басни, сказав при этом известную цитату из Вольтера: «Cherissons le rival qui peut nous surpasser; Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser». «Когда Иван Андреевич жил в Москве, — писал Шаликов далее, — то мы очень часто виделись, и он был всегда ко мне ласков. Однажды я заметил его, в большой заботе шагнувшего по комнате, спрашиваю о причине, и вот его ответ: „Я хочу посвятить одну басню юной своей приятельнице, Бенкендорфовой, но нахожу, что слово «посвящаю» слишком серьезно для ее лет“. „После заглавия басни напишите для такой-то“, — сказал я и очень угодил ему, так он и сделал» (Лухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени: (По архивным материалам) // Русская литература. 1973. № 2. С. 162).

⁸¹ Московский зритель. 1806. № 2. С. 70.

Здесь были бы существенны точные данные о времени написания басен и шире — о времени общения Крылова с Дмитриевым, но как раз таких данных нет. Известно, что первая книжка «Московского зрителя» была подана в цензуру 17 ноября 1805 г.⁸² — через два дня после того, как Дмитриев жаловался Жуковскому, что Шаликов работает без сотрудников. Неизвестно, были ли готовы к этому времени басни, — материалы номера могли поступать в цензуру и после 17 ноября, тем более что часть их была задержана и требовала замены. По рассказу Плетнева, созданию басен предшествовал какой-то период дружеского общения Дмитриева с Крыловым. Это вполне вероятно, если вспомнить, что в 1796—1797 гг. Крылов был уже участником карамзинских изданий и сами басни были написаны для укрепления литературных связей с Дмитриевым. Если это так, то мы вправе предполагать, что публикация их в «Московском зрителе» была фактом сознательной литературной политики. Дмитриев передает их именно Шаликову, испытывавшему недостаток в материале, а не, скажем, в «Вестник Европы», также ему дружественный; он поддерживает тот журнал, который в отличие от «Вестника Европы» считает полностью «своим», и пользуется именем Крылова, уже известного литератора, чтобы придать изданию вес уже начиная с первого номера. Шаликова, конечно, должно было «обрадовать» имя (в первую очередь имя), но дело было не только в нем. Напомним, что в декабрьском номере «Друга просвещения» Хвостов опубликовал свои притчи «Дуб и трость», «Два друга», «Два голубя». Все три сюжета были уже использованы Дмитриевым, и по меньшей мере два из них — первый и последний — считались образцовой интерпретацией Лафонтена. Хвостов, конечно, писал басни вне зависимости от Дмитриева (а иные — и раньше его), но полемика заключалась в факте публикации.

То обстоятельство, что в первом номере «Московского зрителя» появляется вместе с «Разборчивой невестой» «Дуб и трость» Крылова, трудно считать простым совпадением, особенно если учесть уже приведенные нами факты систематической литературной конкуренции Дмитриева и Хвостова. Мы склонны рассматривать этот выбор как сознательный акт позитивной полемики.

То, что Хвостову не были безразличны эти первые крыловские басни, косвенно подтверждается следующим фактом: переиздавая свою притчу «Разборчивая невеста», Хвостов счел нужным сделать примечание, где указывал, что она переведена им около 1785 г. и «напечатана во всех изданиях».⁸³ Это указание на приоритет как бы наводило читателя на мысль, что Крылов в той или иной степени следовал Хвостову. Но соотносили Крылова не с Хвостовым, а с Дмитриевым.

⁸² См.: Крылов И. А. Басни / Изд. подготовил А. П. Могиланский. М.; Л., 1956. С. 318.

⁸³ См.: Келевич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 9.

Дмитриев выиграл и на этот раз — и лучше всего свидетельствуют о том факты литературной вражды Хвостова и Крылова, относящиеся к ближайшим же годам. Известная эпиграмма Хвостова о «немытом и нечесаном» «Зоиле — Крылове Иване» распространялась по Петербургу уже в начале февраля 1807 г.⁸⁴ Предыстория же этой вражды, как представляется, уходит в литературные отношения дмитриевского кружка.

Понимал ли Дмитриев, что, поощряя Крылова, он создает новую и гораздо более опасную для себя ситуацию соперничества? Трудно ответить на этот вопрос с полной уверенностью. Современники полагали, что он предугадывал последствия и проявил широту и благородство, действуя согласно известной вольтеровской формуле: «Покажите мне соперника, превосходящего меня, и я поспешу его обнять».⁸⁵ Это вполне вероятно, хотя мемуаристы оценивали ситуацию 1806 г. уже задним числом, учитывая раз-вернувшийся в 1810—1820-е гг. спор о сравнительных достоинствах Дмитриева и Крылова. В 1806 г. восходящая звезда Крылова-баснописца никак не могла повредить репутации Дмитриева. Что же касается Крылова, то уже в 1806 г. его стремление превзойти своего предшественника на басенном поприще почти не вызывает сомнений. Явственное подтверждение тому — самый выбор сюжета «Дуб и Трость». Показательна творческая история этой басни: Крылов упорно и в течение многих лет работал над ее усовершенствованием, и в этом упорстве П. А. Плетнев видел акт соревнования с «превосходным образцом Дмитриева».⁸⁶ Позднее, в 1810-е гг., явственное предпочтение Дмитриева будет задавать Крылова. В. Ф. Кеневич передавал мемуарный рассказ о некоем высокопоставленном ценителе, который, выслушав новую басню Крылова, сказал ему: «„Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?“ — „Не умею“, — скромно отвечал поэт».⁸⁷ Под воздействием этого разговора Крылов якобы написал басню «Осел и Соловей». Рассказ этот вне зависимости от степени его достоверности важен как отражение слухов, за которыми стояла некая реальность. Дело в том, что как раз эта басня показывает чрезвычайную сложность и неоднозначность создавшейся литературной ситуации. В «Осле и Соловье» есть обычно ускользающий от внимания скрытый литературно-полемический план: он заключается в описании соловьиного пения. Крылов включился в целую цепь подобных же описаний, очень хорошо ему известных, потому что он был участником альманаха, где они появились. Эта цепь была начата «Соловьем» Г. Р. Державина, напечатанным в 1795 г. без подписи в «Приятном и полезном препровождении времени», и продолжена в первой книжке

⁸⁴ См. подробнее: Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. Л., 1975. С. 168 и след.

⁸⁵ См.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 60, 84.

⁸⁶ Там же. С. 231.

⁸⁷ Там же. С. 303.

«Аонид» «Соловьем» Н. М. Карамзина и во второй — «Соловьем» М. Л. Магницкого. В стихах Карамзина был, вероятно, элемент соревнования с Державиным; одический лиризм державинского стихотворения («...твой глас отрывный, перекаты От грома к нежности, от нег Ко плескам, трескам и перунам») сменяется у Карамзина описанием «тихого, нежного» пения:

Сперва, как дальняя свирель,
Петь тихо, нежно начинаешь...

«Приятный свист и трель» переходят в крещендо сливающихся рулад, вновь затихающих:

Гремишь — и вдруг ослабеваешь;
Журчишь, как томный ручеек...⁸⁸

Державин сдержанно отнесся к этому стихотворению, уловив в нем противоположную поэтическую концепцию: «...соловей, — писал он Дмитриеву, — правда ваша, не весьма громок». Магницкий, печатая свою версию в следующем же выпуске «Аонид», попытался совместить державинскую звукопись с сентименталистской лирической смягченностью; песнь его соловья начинается, как у Карамзина, «приятным, тихим, нежным свистом», который «как будто вдалеке По ветру тонкому несется»; далее следует попытка имитировать Державина:

Великолепный, яркий, громкий,
Пронзающ дупу, глас звучит;
Перерывается, в кудрявых свистах вьется,
В раскатах гладких трелей льется;
Переливается, журчит,
Томится, исчезает,
Возносится, стремится,
Со шелком сыплется, дробится
И в тресках дребезжа течет (...)
Лес слушает его безмолвно,
Боятся ветры песнь прервать...⁸⁹

В это-то своеобразное соревнование и включился Крылов в своей басне 1811 г. Мы легко найдем в ней точки соприкосновения с Карамзиным:

То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался...⁹⁰

Конец описания ассоциируется со строками Магницкого:

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры
И прилегли стада.

⁸⁸ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 232.

⁸⁹ Аониды. М., 1797. Кн. 2. С. 68—69.

⁹⁰ Крылов И. А. Сочинения. М., 1946. Т. 3. С. 56.

Если угодно, перед нами случай «соперничества», а точнее соревнования, которое могло наносить уколы авторским самолюбиям, но не могло привести к литературному антагонизму, за которым стоит несовместимость литературно-эстетических систем. Возможно, что Крылов и хотел превзойти Карамзина, но превзойти на избранных им же литературных путях.

В литературе уже было обращено внимание на то обстоятельство, что Крылов пришел к своему литературному противнику как своего рода последователь, сознательно заявивший себя сторонником его басенной манеры.⁹¹ В напряженной ситуации конца 1805—начала 1807 г. особенно важно было именно это обстоятельство. Вспомним, что оба противоборствующих лагеря старались обзавестись сильными сторонниками: оба стараются привлечь на свою сторону Державина. Когда это не удается, Хвостов и Кутузов привлекают Горчакова и Николаева и, наконец, Капниста. То же самое станет делать «Вестник Европы», когда Каченовский в 1806 г. разойдется с Державиным и Дмитриевым: он станет систематически печатать стихи Хераскова, и Дмитриев это сразу же отметит (II. 202).⁹² Крылов, искушенный в тонкостях журнальной борьбы, конечно, прекрасно понимал ситуацию; своим обращением к Дмитриеву он заявлял себя не только его последователем, но и сторонником, причем в очень острый момент. Демонстративная поддержка его Дмитриевым также была не только актом литературного признания, но и актом журнальной дипломатии и тактики: в журнале Дмитриева появлялось достаточно известное литературное имя, а басни Крылова, написанные «по Дмитриеву», противостояли, конечно, не басням «учителя», а литературной продукции его антагонистов.

8

В феврале 1806 г. охлаждаются отношения Дмитриева с «Вестником Европы». Формальный повод его размолвки с Каченовским известен: Каченовский поправил несколько стихов в державинской «Цирце», присланной самим автором, и отложил публикацию второго стихотворения Державина — «Дева за клавесином» (перевод из Шиллера). Д. Н. Блудов рассказывал, что, получив второе стихотворение, Каченовский не был доволен и просил А. Ф. Мерзлякова перевести его заново; Державину же написал, что в редакции есть другой перевод. Державин вспыхнул и отозвался сердитым письмом; чтобы уладить инцидент, Каченовский просил Дмитриева взять на себя вину, объяснив маститому поэту, что «Дева за клавесином» была задержана по его, Дмитриева, совету. Дмитриев не соглашался, и произошел спор, принявший резкие формы. Детали всей этой истории для нас уже не вполне

⁹¹ Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. С. 246 и след.

⁹² Ср.: Херасков М. М. 1) Солнце // Вестник Европы. 1806. № 3. С. 161; 2) Прошедшее // Там же. № 6. С. 104; 3) Ночное размышление // Там же. № 8. С. 261; 4) Вечность // Там же. № 11. С. 161.

ясны; сохранившиеся свидетельства не во всем совпадают.⁹³ Перевод Мерзлякова был напечатан во втором январском номере, ⁹⁴ державинские стихи, по-видимому, должны были появиться вместе с «Цирцеей» в первой февральской книжке, но были напечатаны лишь в апреле.⁹⁵ Отсюда как будто следует, что к моменту получения стихов Державина перевод Мерзлякова действительно был в редакции и набирался или был набран; откладывая печатание, Каченовский, конечно, хотел избежать слишком близкого соседства конкурирующих стихов, которое могло бы подать повод к произвольным сравнениям и кривотолкам. В рассказе Блудова, конечно, отразилось позднейшее недоброжелательное отношение к Каченовскому и Мерзлякову, характерное для И. И. Дмитриева после конфликта. Причины же расхождений были, вероятно, более глубокими и не только конъюнктурными. М. А. Дмитриев передавал слова своего дяди в разговоре с Каченовским: «. . . он очень равнодушен к „Вестнику Европы“, который вышел уже из рук Карамзина и теперь ему *ни друг, ни брат*».⁹⁶ За этой формулой стояло наметившееся расхождение литературных позиций, и более всего разница в отношении к Карамзину. И Каченовский, и Мерзляков настроены к Карамзину скептически, что Дмитриев не мог не ощущать.

В создавшихся условиях ему приходилось самому выступать на журнальном ристалище.

В мартовском номере «Зрителя» он печатает басню «Орел и Каплун». Эта редакция (впоследствии измененная) содержала прямое памфлетное иносказание, причем адресат не вызывал никаких сомнений. Каплун, который, собираясь следовать за орлом, «брякается» «на кровлю, как свинец», и вызывает хохот, есть не просто «отважный без ума», как в последней редакции: это — бездарный поэт, вступивший в соперничество с подлинным:

Читатель! я хотел в иносказаньи этом
Представить рифмача с Поэтом.⁹⁷

Речь, несомненно, шла о соперничестве Хвостова с Дмитриевым, о чем нам уже пришлось говорить. Через несколько месяцев Шаликов, всегда несдержанный в полемике, еще более прояснил адрес: в критическом разборе хвостовского перевода из Феокрита он процитировал эту басню: «Благодаря свободе стихотворческой, некоторые слова можно сокращать без всякого преступления; но только Поэту — не рифмачу. . .»⁹⁸

⁹³ См.: Державин Г. Р. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. С. 536, 541; Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 117—118.

⁹⁴ Вестник Европы. 1806. № 2. С. 112.

⁹⁵ Там же. № 7. С. 175.

⁹⁶ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 117.

⁹⁷ Московский зритель. 1806. № 3. С. 34 (подп. И*). Указание на эту редакцию есть у В. Кеневича (Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд. С. 42).

⁹⁸ Там же. № 8. С. 64.

Вслед за басней Дмитриев печатает оду «Спокойствие» (из Горация); в созданном контексте последняя ее строфа читалась как автобиографическая и также памфлетная:

Тебя богатство, знатность рода
В червлену ризу облекли,
А мне фортуна и Природа
Послали в дар клочок земли;
Таланта искру к песнопенью
На лад любимых мной творцов
И равнодушие к сужденыю
Толпы Зоилов и глушцов.⁹⁹

Непосредственно за этой одой следовала басня В. Л. Пушкина «Пастух и Соловей» — о лягушках, которые не в силах заглушить голос соловья, с моралью:

Пусть истинный поэт на лире воспевает,
Зоилова хула талант не помрачает.¹⁰⁰

В марте 1806 г. Дмитриев, таким образом, впервые вышел на авансцену как вождь литературной группы и как некий символ, персонификация таланта, преследуемого завистью. Его противники из «Друга просвещения» совершенно таким же образом выдвигают своего главу и наделяют его теми же атрибутами. Этот глава — П. И. Голенищев-Кутузов как переводчик Пиндара. В мартовской книжке мы находим обращенные к нему оду и послание. Ода принадлежала Хвостову и была написана по случаю намерения Кутузова заняться службой по Министерству юстиции и оставить поэзию:

Носитель днесь почтенных уз,
Не оставляй, Кутузов! муз < . . . >
Святую истину вещать
Дерзай Пиндаровой трубою. . .¹⁰¹

Едва ли не Хвостову принадлежало и послание, напечатанное анонимно и носившее прямо декларативный характер. Оно содержало апологию Кутузова, преследуемого завистью «сатириков», «Аретинов», «презренных в свете тварей», которые находят удовольствие «терзать и поносить, что в мире есть прекрасное». Повторяется тот же мотив, что и у Дмитриева, — вплоть до парафразы басни об орле и змее, которую, как мы помним, переведил и Хвостов:

. . . истинный поэт и мудрый человек
Свой продолжает путь и зависть презирает.

⁹⁹ Там же. С. 37. Эта редакция оды (известной как «Подражание Горацию») не учтена в существующих изданиях Дмитриева; разночтения ее с окончательной незначительны, но дают возможность исправить ошибку в тексте (в 6-й строфе «Титон», а не «Титан»).

¹⁰⁰ Там же. С. 38.

¹⁰¹ *Р. Хвостов*. Ода Павлу Ивановичу Г. Кутузову // *Друг просвещения*. 1806. № 3. С. 215. Ср. также: К Музе (самого Кутузова? — В. В.) // Там же. С. 323.

Орел, узрев змею, на облака взлетает.
Вот мщение его, других орудий нет;
А казнь завистника — достоинств ярких свет.¹⁰²

Все эти рассуждения — общее место «сатир о сатирах» — в конкретных условиях получали и конкретный смысл. «Завистники», «сатирики» — группа Дмитриева и прежде всего, конечно, он сам. Переводы Кутузова из Пиндара — объект их нападений, который обладает непреходящей поэтической ценностью и потому вызывает «зависть».

Автор послания еще больше конкретизирует свою мысль. В утверждении, что на достойного поэта «Зоилы ядом дышат, Рецензии дают и эпиграммы пишут», слышится автобиографический намек. До Хвостова дошла направленная против него рукописная полемическая литература — может быть, даже те «рецензии», которые Дмитриев посылал Языкову для чтения в рукописи и, конечно, распространения. К сожалению, мы не знаем, о каких именно «эпиграммах» идет речь и была ли создана к этому времени самая ядовитая из дмитриевских эпиграмм на Хвостова — «Подзобок на груди и подогнув колена. . .»

Этот «нижний ярус» литературной борьбы оказывался едва ли не самым важным и эффективным. Он менял характер печатной полемики — и уже в мае 1806 г. в полемических декларациях «друзей просвещения» появляются новые ноты и новый тип «зоила». Он появляется в оде «Гремушка», также принадлежавшей перу Хвостова. Здесь речь идет уже не просто о «завистнике», но хитром насмешнике, вооруженном «скрытым Момуса кинжалом», который «языком копает гробы» для дарований. Он умен и опасен; он вольнодумец и имморалист:

Злоумным жертва брат, отец,
Весы и меч, алтарь, порфира,
Священные все вещи мира. . .

Символическим обозначением такого критика становится уже не Зоил, но Аристофан, несравненно более могущественный. Его оружие — смех — сильнее «громов»; «гремушка» может свергнуть добродетельного Аристида:

Пускай бы злоба угнетала
И зависть люта клеветала,
Их истощились бы огни.
Аристофан смешным представил (Сократа. — В. В.)
И выпить яд его заставил,
Насмешкой злой исторгнул дни.¹⁰³

¹⁰² К Павлу Ивановичу Г. Кутузову // Там же. С. 218—220.

¹⁰³ Друг просвещения. 1806. № 5. С. 113—115. Полностью переработанную редакцию см.: Лирические стихотворения графа Хвостова. 3-е полное изд. СПб., 1828. Т. 1. С. 246—251. Здесь датировано 1826 г.; в примечании уточнение: «Ода „Гремушка“ была весьма давно написана, хранилась в рукописи у автора и теперь печатается в первый раз в издании сего 1828 г.» (с. 312). Примечание носит явно вуалирующий характер.

Все это получит продолжение позднее, когда Шишков бросит своим противникам обвинение в аморализме и вольнодумстве. Впрочем, Кутузов это делает сейчас же, вслед за Хвостовым. В июньском номере «Друга просвещения» появляется анонимная «Сказка, похожая на быль». Об авторстве Кутузова мы можем говорить почти уверенно, потому что она содержит парафразы из его памфлета в «Ипзокрене» (1799):

Домик я найти старался
Лизы бедной, дорогой,
Но напрасно прошатался,
Истерзался я тоской.

Глаз один закрыв рукою,
Я другим слезу ронял,
И слезу мою волною
Ветер свеял и угнал.¹⁰⁴

Герой стихотворения «Бредон» искал мудрости у «слезливых» писателей. Эта мудрость заключалась в грубой чувственности и в насмешках над творениями, где «твердятся Вечность, истина и бог». Он соблазнил и других — и теперь скитается, разбитый душевно и телесно и терзаемый мучениями совести. Для него один выход — обратиться к богу и бежать «новой мудрости».

В стихотворном памфлете сказано почти все то, что пятью годами позже Кутузов напишет Разумовскому в своих доносах на Карамзина.

Этот идеологический и даже политический аспект полемики не был, конечно, новостью для Дмитриева: в 1806 г. он лишь обнаружился еще раз. Быть может, поэтому Дмитриев и его единомышленники с такой последовательностью стремились разрушить литературную репутацию Кутузова, упорно создаваемую «друзьями просвещения».

Они делают это публично в июньском номере «Московского зрителя» в статье «О творениях Пиндара, переведенных Павлом Голенищевым-Кутузовым, с разными примечаниями и объяснениями на лирическое стихотворство и проч. В двух частях, содержащих оды олимпийские и пифические. Москва, в типографии Платона Бекетова, 1804». Статья была напечатана анонимно, принадлежала она П. И. Шаликову, который впоследствии включил ее в собрание своих сочинений.¹⁰⁵

Статья «О творениях Пиндара» словно собрала в единый фокус все линии и стилистические приемы полемики, выработанные Дмитриевым и его группой. Это саркастический памфлет в форме иронической похвалы.

Стилистический тон ему задал, конечно, И. И. Дмитриев. Еще в начале года он убедился, что прямые критические нападки,

¹⁰⁴ Друг просвещения. 1806. № 6. С. 190—195.

¹⁰⁵ Шаликов П. И. Сочинения. Ч. I. Проза. М., 1819. С. 93—106.

как в статье Шаликова против Хвостова, почти не имеют шансов попасть в печать. Отправляя Языкову свои разборы, он предупреждает, что для публики их следовало бы писать иным образом. Годом ранее Державин сообщал ему о своей неудачной попытке вразумить Кутузова: критические замечания он высказал в столь корректной форме, что автор счел их за похвалу себе. По-видимому, Дмитриев сделал из этого свои выводы. Мемуары М. А. Дмитриева сохранили нам след интереса его дяди к формулам вежливой двусмысленности; Дмитриев-старший даже выдвигал определенного рода требования к подобным формулам. Так, он бывал недоволен, когда Карамзин отвечал на авторские дары Хвостова похвалами; он предусматривал, что Хвостов будет хвастаться ими (вспомним, что Кутузов «хвастался» державинским письмом), а сторонние читатели примут их за лесть или за чистую монету, — «и то и другое нехорошо». Сам он отвечал Хвостову так: «Ваша ода или басня ничуть не уступает старшим сестрам своим!» «Он и доволен, — заключал Дмитриев, — а между тем это правда». ¹⁰⁶ Воспоминания М. А. Дмитриева достоверны. Известно письмо И. И. Дмитриева Хвостову от 31 августа 1815 г., в котором употреблена именно эта формула: «Напрасно вы по скромности вашей не доверяете вашему гению. Новейшее произведение вашей музы во всех отношениях не уступает прежним». ¹⁰⁷

В статье о Кутузове формула превращена в прием, выдержанный с редкой последовательностью и искусством. «Перевод классических авторов есть, конечно, важнейшая услуга, какую только можно оказать словесности, а особливо нашей, — начинает критик, — и потому благодарность, которою мы обязаны господину Кутузову, должна быть соразмерна дарованию его и успехам в переводе Пиндара». Игра идет на семантических оттенках: фразовое ударение на словах «важнейшая услуга» создает инерцию смысла в придаточном предложении следствия; «дарование», «успехи» понимаются в абсолютном смысле. При внимательном чтении иллюзия рассеивается; фраза значит: степень нашей благодарности зависит от степени успеха Кутузова. Далее критик начинает демонстрировать читателям эту степень успеха, выписывая архаические и тяжеловесные конструкции из «Предупреждения» якобы для развития своей мысли. «Такой стиль, — замечает он как бы попутно, — кроме всего — prepares уже читателя к тем красотам, которые найдет он в переводе». Читателю предлагается возможность самому определить, хорош или плох

¹⁰⁶ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 122.

¹⁰⁷ Русская старина. 1892. № 7. С. 100. Ср. замечания Вяземского в письме А. И. Тургеневу от 13 (25) июня 1841 г.: «Дмитриев говаривал, что в ответ Хвостову на присылку стихов он никогда не имел духу называть стихов его стихами и всегда писал ему: „Я получил письмо ваше с приложением“» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 4. С. 135); ср. то же замечание в письме 1821 г. (Там же. Т. 2. С. 195). Позднее этим полемическим приемом пользовался Пушкин (см. в нашей заметке: «Булгарин и граф Хвостов» // Русская речь. 1987. № 3. С. 31—32).

стиль. Для этого выписываются еще три большие цитаты, причем критик полностью присоединяется к высказанным мыслям, дав возможность читателю еще раз полюбоваться их словесной оболочкой. После этого он переходит к разбору стихов. Тот же прием — выписывание больших фрагментов текста — здесь варьирован: курсивом выделены стилистические и грамматические погрешности. Комментарий критика представляет собою нарочито нелепое их оправдание. «Инверзии или переставки, искусною рукою делаемые, составляют часто истинную красоту в стихотворении: „летающие из уст, чудовища, железных“ (мы не знаем, для чего прежде и после «чудовища» поставлены запятыя)! Скажите: „чудовища, летающие из уст железных“ или — если ошибаюсь в смысле — „летающие из уст железных чудовища“ — и будет все не то».

«„Витающий на скипетре орел!“ Нельзя живописнее!»¹⁰⁸ Или: «„Сии игры, по Овидию, — говорит г-н Переводчик в Предупреждении к сим одам, — учреждены самим Аполлоном в воспоминание низложенного змия Пифона“».

Заметьте: „по Овидию“; иной бы сказал „по мнению, по словам Овидия“ — и тем бы растянул фразу.

С особенной охотой критик отмечает очевидные ошибки Кутузова против грамматики и орфоэпии, иронически извиняя их порывами поэтического вдохновения или мнимой малозначительностью. Иногда в попутном, совершенно эпическом комментарии он приводит словупотребление Кутузова к полному абсурду, варьируя его так, чтобы оно содержало в себе, якобы непроизвольно, ядовитый намек:

«Кто думает себя скрывать
От глаз богов, тот заблуждает. . .

Кажется, надобно *заблуждается*, ибо это глагол возвратный; *заблуждать* глагола нет; но есть, без частицы *за*, глагол *блуждать*».¹⁰⁹

Одна особенность этой статьи должна обратить на себя наше внимание. Дело в том, что в ней подвергнута подробному разбору как раз та 1-я олимпийская ода к Гиерону, отрывок из которой Дмитриев выписывал для Языкова в сентябре 1804 г., т. е. почти двумя годами ранее. Вряд ли это случайное совпадение. В числе других стихов внимание критика сконцентрировалось и на двенадцати строках, приведенных в письме к Языкову. Как и в письме, подчеркнута повторяющееся местоимение «тебя» и дееспричастие «любя». Комментарий гласит: «Несмотря на то, что в девяти стихах повторено шесть раз *тебя* да однажды *любя*, — неизбежность, в которой очевидно находился поэт или его переводчик, — едва ли чувствуете сие повторение — отчего?»

¹⁰⁸ Московский зритель. 1806. № 6. С. 75.

¹⁰⁹ Там же. С. 72—73.

Оттого, что нет ни малейшей вялости в стихах; оттого, что механизм очень хорош, — что нет ни одного слова лишнего. Такой пример служит доказательством, что искусству все возможно». ¹¹⁰

Этот промах Кутузова бросался в глаза; однако Шаликов обратил внимание и на другую неточность в словоупотреблении, также отмеченную в письме Дмитриева двухлетней давности. Там было подчеркнуто выражение «в блистании картин». В рецензии оно варьируется неоднократно. «Паче же блистает в сей оде сильная картина огней горы Этны», — выписывает критик предисловие Кутузова к оде и, приведя соответствующий стихотворный фрагмент, восклицает: «Вот та сильная картина огней горы Этны — картина, которая наиболее блистает в сей оде!» ¹¹¹ Совпадение еще более разительное, ибо замечание Дмитриева в письме к Языкову не было развернуто.

Грустно сомневаться, что Шаликов писал свой разбор в непосредственном общении с Дмитриевым, который, может быть, и проредактировал его статью. На эту мысль наводит сопоставление ее с другой статьей, несомненно того же автора, «О переводе „Циклопа“ из Феокрита, напечатанном в первой книжке „Друга просвещения“, 1804». В последнем разборе почти буквально воспроизводились схема и полемические приемы статьи о Кутузове, к которой автор даже отсылал читателя («Мы говорили в шестой книжке нашего журнала о пользе, приносимой хорошими переводами классических авторов < . . . > Теперь, не говоря более о пользе, приведем новые примеры. . .»). ¹¹² Иронические похвалы Хвостову иной раз почти текстуально совпадают с похвалами Кутузову, но они более вялы, многословны, пестрят натянутыми и иногда грубыми шутками (так, Шаликов делает намек на «Русского Эзопа» и спешит пояснить в подстрочном примечании, что боится, как бы читатели не смешали «фригийского» и «русского Эзопа» «по какому-нибудь сходству между ними»). ¹¹³ Все это резко контрастирует с лаконизмом и точностью фразы в первом разборе.

Полемике вокруг переводов Пиндара суждена была и дальнейшая жизнь — притом в более высоких образцах. Выпад Шаликова против Кутузова: «,От ваших пламенных огней Горят умы, сердца людей!“ Кажется, что пламенный огонь пылал в груди поэта-переводчика», — формировал пародийный образ. Вместе с державинским «зажег пучок соломы» он был развит в «арзамасской» пародии Жуковского:

Зрел недавно, как Пиндар,
В воду огонь свой обративши,
Затушил в Москве пожар,
Всю зажечь ее грозивший.

(К Воейкову, 1814) ¹¹⁴

¹¹⁰ Там же. С. 71—72.

¹¹¹ Там же. С. 76.

¹¹² Там же. № 8. С. 59.

¹¹³ Там же. С. 64.

¹¹⁴ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1940. Т. 2. С. 238.

Это, однако, частность; более существенно, что самый тип иронически-похвальной рецензии был подхвачен в «арзамасской» полемике. Статьи Шаликова против Кутузова и Хвостова были генеральной репетицией известной речи Дашкова в честь Хвостова, произнесенной 14 марта 1812 г. в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.¹¹⁵ Важно напомнить, однако, что прием был найден не Шаликовым, а Дмитриевым, и в этой связи особое значение приобретает свидетельство М. А. Дмитриева об отношении к речи Дашкова, подлинного ее вдохновителя: «. . . узнавши об этой выходке, как ни смеялся, однако пожурил оратора. . .»¹¹⁶ Упреки относились не к самой речи, а к неосторожности и недостаточной дипломатичности, результатом которой был открытый конфликт и исключение Дашкова из общества.

Литературные последствия речи Дашкова были, однако, еще более значительны, чем ее непосредственные достоинства. Она стала моделью вступительных речей всех будущих арзамасцев — саркастических «похвальных слов» «покойникам», «халдеям» «Беседы»; уже современники квалифицировали ее как «арзамасскую» речь. Но и этим дело не исчерпывается.

Пolemика 1806 г. актуализировала несколько конфликтов и образных тем, которые были в дальнейшем закреплены литературой. Первой из них была оппозиция «талант—завистник». Она, конечно, не возникла заново, но выдвинулась на передний план. Через несколько лет она ляжет в основу легенды об Озерове, созданной в арзамасских кругах: версии о великом поэте, погибшем от козней «зоила» и «завистника»: ¹¹⁷

Увы! Димитрия творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть тернии вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.¹¹⁸

Судьбе Озерова будет посвящен и знаменитый памфлет Д. В. Дашкова «Письмо к новейшему Аристофану» (1815), обращенный к Шаховскому.

¹¹⁵ Чтение в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 4. Отд. 5. С. 183—186; ср.: Русская литература XVIII века и ее международные связи. С. 105.

¹¹⁶ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 213—214.

¹¹⁷ См. подробнее: Гиллельсон М. И. 1) П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 365—378; 2) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 7 и след.

¹¹⁸ Жуковский В. А. Стихотворения. Т. 2. С. 141, 495 и след.

Имя Аристофана, как мы видели, также стало семантическим центром в полемике 1806 г. и теперь возникало как своего рода художественное обобщение. Аристофаном Хвостов называл Дмитриева; к имени древнего комедиографа обратились будущие «беседчики», защищаясь от нападений будущих «арзамасцев». В 1808 г. А. А. Шаховской упомянул об Аристофане в статье «Греческая комедия»: «. . . что может извинить его комедию „Облака“, в которой он выводит на поругание мудрого Сократа и, не довольствуясь осмеянием его философии, клеветами своими приготовляет, так сказать, мученическую смерть сего добродетельного мужа?» Он возражал Палиссо, пытавшемуся оправдать Аристофана, и упоминал о его «ругательствах» над Эврипидом, Эсхилом и Софоклом.¹¹⁹ В своем памфлете Дашков обратил все эти характеристики на него самого.

До полемики об Озерове должно было пройти, однако, почти десять лет. В 1806 г. сами «друзья просвещения», как мы видели, несколько раз пытались переадресовать своим противникам обвинения в «зависти»; в августовском номере журнала появилась уже прямая эпиграмма на Дмитриева, как бы резюмирующая эту тему:

Как родился Дамон, не строивал домов,
Не разводил садов,
Не писал стихов;
Однако сердится всечасно,
Лишь только похвали, что у других прекрасно.
Так что же наш Дамон?
Завидлив, видно, он.¹²⁰

Можно думать, что сам Хвостов был автором прочитанной нами беспомощной эпиграммы: в своем архиве он сохранял записи рассказов о двуличии и завистливости Дмитриева.¹²¹ Конечно, сама по себе эпиграмма не в силах была дискредитировать Дмитриева как личность или литератора, но она совпала с литературной контрафактой, в которую были втянуты куда более значительные силы.

В апреле—мае 1806 г. Каченовский выступил с развернутой рецензией на третий том «Сочинений и переводов» Дмитриева. Рецензия была критической; более того, она содержала личные намеки — следствие наметившихся разногласий. Писательский круг безошибочно узнавал, кого разумел критик под «сенатором», высокомерно третирующим независимого журналиста.

Дмитриев был взбешен. По воспоминаниям Н. А. Полевого, он не мог спокойно говорить о рецензии Каченовского и спустя двадцать лет.¹²² В майских письмах А. И. Тургеневу и В. А. Жу-

¹¹⁹ А. <Шаховской>. Греческая комедия // *Драматический вестник*. 1808. № 11. С. 92—93.

¹²⁰ *Друг просвещения*. 1806. № 8. С. 109.

¹²¹ Русская старина. 1890. № 6. С. 678.

¹²² *Вестник Европы*. 1806. № 8. С. 278—300; № 9. С. 42—54. В экземпляре ИРЛИ (шифр 2), принадлежавшем М. Н. Лонгинову, против этого пас-

ковскому он сетует на отсутствие полемических статей в его защиту. Нет сомнения, что ответ Д. Н. Блудова, датированный 28 мая 1806 г., не напечатанный в то время и сохранившийся в бумагах Вяземского, был написан с ведома Дмитриева; в нем находились, в частности, и указания на «личности», допущенные Каченовским, и намеки на его нерусское (украинское) происхождение, якобы послужившее причиной ошибок против русской орфоэпии и фразеологии.¹²³ Обо всем этом Дмитриев писал Тургеневу и Жуковскому.

Он ответил Каченовскому эпиграммой «Нахальство, Аристарх, таланту не замена», которой, как обычно, дал ход, процитировав ее в письме к А. И. Тургеневу от 18 мая 1806 г. Вероятно, приблизительно в то же время он пишет и эпиграмму на Хвостова «Подзобок на груди и подогнув колена. . .», которую принял на свой счет А. Ф. Мерзляков. До Мерзлякова, конечно, дошел слух, что Дмитриев подозревает его в соучастии с Каченовским; Дмитриев, по-видимому, и не скрывал своего мнения. Во всяком случае он позаботился о том, чтобы оно стало известно прежним ближайшим друзьям Мерзлякова — Жуковскому и А. Тургеневу (II. 202—204).¹²⁴

Вероятно, этот конфликт, усугубившийся еще позднейшими выступлениями Каченовского против Карамзина, способствовал возрождению легенды о «зависти Дмитриева». О том, что она существовала, мы знаем из случайно брошенного замечания Д. В. Веневитинова в письме С. П. Шевыреву от 21 января 1827 г.: «Не пугайтесь гонений ни Дм<итрие>ва, ни Дав<ыдова> <. . .> Дм<итрие>в завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников».¹²⁵

Здесь не место подробно разбирать вопрос о поздней репутации Дмитриева, несколько пошатнувшейся после его холодного отзыва о «Руслане и Людмиле». Нам важно лишь обозначить характерологическую версию, имевшую хождение в среде сторонников Пушкина и — с другой стороны — бывших учеников Мерзлякова, отлично помнившего давние полемические столкновения.

сажа («Так например, человек малого чина, рассказывая о министре или сенаторе, который, прежде обходившийся с ним приятельски, вздумал бы заговорить повелительно и грозно — может сказать: *он вдруг переменил тон*; и это будет понятно для каждого» — с. 290) рукой Лонгинова помечено: «Намек на Дмитриева». Лонгинов пользовался информацией М. А. Дмитриева; ср.: *Полевой Н. А. Очерки русской литературы*. СПб., 1839. Ч. 2. С. 480.

¹²³ См. эту статью в приложении к кн.: *Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти*. С. 267—278. См. также наш комментарий к письму Дмитриева к Блудову в кн.: *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980. С. 418, 440, 446.

¹²⁴ Ср.: *Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти*. С. 123—124.

¹²⁵ Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 689.

Каченовский сумел нанести Дмитриеву удар довольно чувствительный, но он не мог, да, вероятно, и не ставил своей целью разрушить его литературную репутацию. В полемике 1806 г. последнее слово осталось за сторонниками Дмитриева. В июльском номере «Московского зрителя» была еще раз произнесена апология ему — в статье о Лафонтене. Шаликов разбирает басню «Мышь, удалившаяся от света» (о ней неоднократно шла речь выше), к которой сделал примечание: «Пользуюсь переведенною нашим единственным *Лафонтеном*, истинным соперником баснописца французского. Сравните сей перевод с оригиналом — и вы увидите, как гении переводят гениев».¹²⁶

Дмитриев продолжал оставаться тайной пружиной полемики, но сам он окончательно удалился в тень, предоставив поле сражения своим сторонникам. Отзвуки разговоров и устных эпиграмм, вышедших из его салона, впрочем, появлялись в печати. В эпиграмме Б. К. Бланка на Хвостова, появившейся в сентябре в «Московском зрителе», слышится один из таких отзвуков:

Уж переводится, что Хватов написал,
На английский язык, немецкий и французский,
А Гениев вчера заподлинно сказал,
Что переводят и на русский.¹²⁷

Тот же Бланк напечатал и эпиграмму на Кутузова как переводчика Пиндара, а несколько ранее и «баснь» «Павлин и Орел», несомненно направленную против того же адресата. «Павлин» (прозрачно зашифрованное имя Голенищева-Кутузова) равнял себя с Орлом (едва ли не намек на басню «Каплун и Орел»); царь птиц не стал преследовать неудачливого соперника, но отпустил его, чтобы тот царствовал в курятнике. Басня заключалась строчками:

Иной лишь песенку, сонет
иль мадригал
К любезной написал,
А так уж о своем достоинстве
мечтает,
Что с гением себя равняет!¹²⁸

¹²⁶ Московский зритель. 1806. № 7. С. 38. Отметим примечание, касающееся творческой истории этой басни. К строке «И руки положи на грудь свою крестом» Шаликов сделал сноску: «Я слышал однажды от поэта-переводчика, что он написал махинально *руки* вместо *лапки*; без сомнения так; ибо ничто не обязывало написать *руки*: ни мера, ни просодия; к тому же *лапки крестом* сделало бы очень хорошую противоположность» (с. 52). В последующих изданиях Дмитриев действительно заменил «руки» на «лапки».

¹²⁷ Б* «Бланк Б. К.». Эпиграмма. На стихотворения, переведенные на многие языки // Московский зритель. 1806. № 9. С. 27.

¹²⁸ Там же. № 11. С. 67; ср.: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. С. 206 (№ 577); Московский зритель. 1806. № 6. С. 42.

Это был, по-видимому, уже заключительный этап полемики. В конце 1806 г. прекращают свое существование и «Друг просвещения», и «Московский зритель», и критическая перепалка прекратилась, по крайней мере внешне. Хвостов успел напечатать еще свой перевод «Письма г. Буало к г. Расину», где пытался словами Буало ответить противникам, однако он несомненно чувствовал, что покидает поле битвы отнюдь не победителем. В последнем номере «Друга просвещения» он печатает свое «Предложение псалма 134» со строками, отсутствующими в оригинальном тексте, в которых звучит прямая жалоба:

Они свои насмешки грубы
Распространили на меня,
Свирепы изострили зубы,
Чтоб изгубити день от дня. . .¹²⁹

Включая старые стихи в собрание своих сочинений, он отныне будет перерабатывать их полностью и намеренно изменять даты в примечаниях, чтобы изгладить все следы прежних полемик. Он станет вновь посвящать Дмитриеву комплиментарные послания и восстанавливать отношения с Шаликовым. Тем не менее репутация графомана отныне будет сопутствовать его имени.

Нет сомнений, что и для второго издателя «Друга просвещения» П. И. Голенищева-Кутузова столкновения 1806 г. не прошли бесследно. Он сходит с литературной арены, полностью отдавшись своей деятельности по Министерству юстиции и народного просвещения, но в его переписке с А. К. Разумовским в 1810—1811 гг. — переписке, стяжавшей себе незавидную славу доносов на Карамзина, — ясно звучат ноты уязвленного литературного самолюбия и литературной вражды. Но еще ранее, переехав в Петербург, он принимает участие в шишковской Российской академии, ставшей ядром будущей «Беседы».

Отзвуки этих полемик начала века прослеживаются в русской литературе еще спустя десятилетия — в ожесточенных спорах «Арзамаса» с «Беседой», в эпиграммах и памфлетах Вяземского и Пушкина против Каченовского, в самом разделении литературных лагерей в начальный период романтического движения. Сквозные образы, полемические приемы, даже биографические легенды, подготовленные устной памфлетной литературой начала века, получают новую жизнь в «Арзамасе». Но она вызвала к жизни и феномены более общего, концептуального характера. Литературная борьба 1800-х гг. представляла последующим поколениям как борьба бездарностей против дарований — представление часто полемическое, уходящее своими корнями в литературную конкуренцию, в которой сознательно создавались и ниспровергались литературные репутации. Голенищев-Кутузов, Хвостов, затем Галенковский и Каченовский пытались сбросить с пьедестала

¹²⁹ Друг просвещения. 1806. № 10. С. 14.

фигуру Дмитриева — и оказались сброшенными сами. Таковы были законы борьбы за приоритет в эстетическом движении. В этой борьбе мощным оружием стала сатира и эпиграмма, пережившая на протяжении 1800—1820-х гг. период своего наивысшего расцвета. Гротескная, символическая фигура Хвостова-Графомана с большой буквы была создана в эти годы с помощью сатирической гиперболы и, если угодно, также была «легендарной». Легенда имела реальные основания — Хвостов не обладал ни поэтическим талантом, ни поэтическим вкусом, однако ни один из графоманов, ему современных (хотя бы Струйский), не оставил своего имени в нарицательном значении. Биография Хвостова-графомана строилась последовательно и целенаправленно; из всей его необозримой поэтической продукции отбирались и передавались из уст в уста именно «примеры галиматьи», как предсказывал в своей эпиграмме Дмитриев; от него ждали стихотворных нелепостей и читали с этой установкой. Едва ли не Дмитриев дал здесь первые стимулы. «Жадничаю читать оду его, — писал он А. Тургеневу 24 октября 1809 г., задолго до появления первых арзамасских пародий. — Для меня нет посредственности: давай мне или самое прекрасное, или самую пакость, и в последнем случае этот рифмач всегда меня интересует» (II. 212—213). «Хвостов портится, — писал Вяземский тому же Тургеневу, словно подхватывая мысль через десять лет, — он должен бредить или молчать: я не заметил ни одного уродливого стиха».¹³⁰ «Читал ли „Родовой ковш“ графа Хвостова?» — спрашивал Тургенев Вяземского 26 октября 1813 г. — Он мне всучил его за обедом у церковного старосты. Он опять становится прелестен».¹³¹ Это уже традиция чтения и восприятия, традиция, восходящая своими корнями к тому, уже забытому времени, когда на весах лежали репутации «рифмача» Хвостова и «поэта» Дмитриева, когда друг против друга стояли две антагонистические литературно-общественные группы, со своими шкалами ценностей, со своими вождями, фаворитами и профанами, — и еще не был до конца ясен исход спора, оставившего свои следы в исторической памяти русской литературы.

¹³⁰ Письмо от 31 янв. 1820 г. // Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 12.

¹³¹ Там же. С. 363.